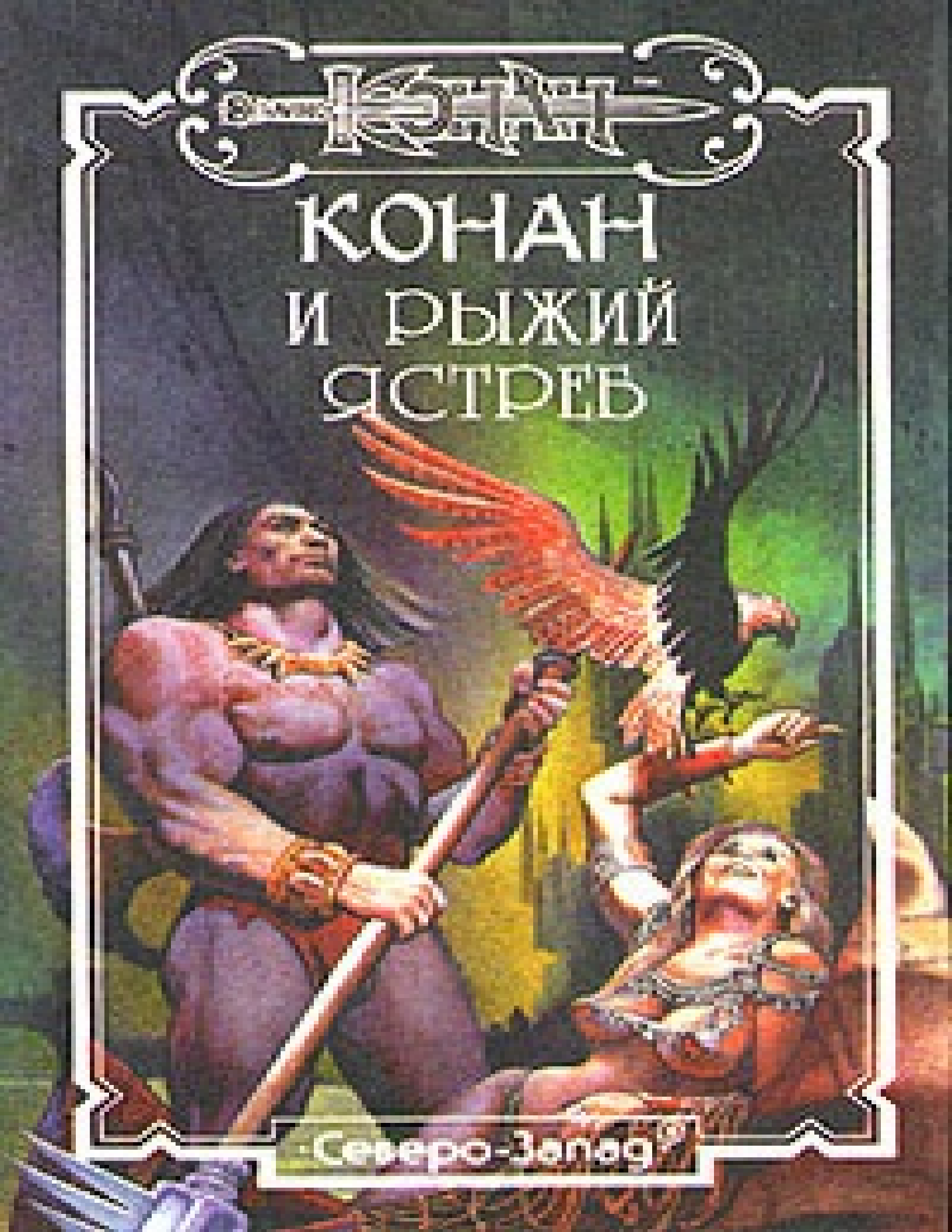
Конан
КОНАН
И РЫЖИЙ
ЯСТРЕБ
Северо-Запад

Annotation

…В день Крадущейся Рыси все юноши, которым в этом году исполнилось пятнадцать лет, получали возможность стать настоящими охотниками и полноправными членами общины. Конану весной этого года исполнилось тринадцать лет. Сын кузнеца Ниала считал, что имеет право участвовать в испытаниях дня Крадущейся Рыси — но взрослые рассудили иначе…

•

Даниэл Уолмер

Дважды рожденные

В тот день Конан с утра не находил себе места. Все раздражало его: и немудреная еда — печеные бобы с луком, которые поставила перед ним мать, и ее просьба не отлучаться сегодня из дома, так как у нее много дел по хозяйству и без его помощи ей не справиться, и назойливые приставания и признания в любви которыми досаждал ему вертлявый щенок Чарр — уже в течение двух лун Конан пытался сделать из него солидную и умелую охотничью собаку, но толку было маловато. Сразу после завтрака он вышел во двор и принялся колоть дрова, взмахивая топором много лет назад выкованным отцом из отличной стали и с тех пор не затупившимся нисколько. Работать таким прекрасным орудием было одно удовольствие — сосновые и еловые поленья раскалывались легко и звонко, высоко подскакивали и наполняли утренний воздух свежим и клейким запахом, — но Конана это занятие не радовало и не увлекало. То и дело он нетерпеливо поглядывал на дверь, ожидая, ока мать по какой-либо хозяйственной надобности не уйдет со двора, чтобы тут же бросить топор и улизнуть прочь из дома.

Его мать, молчаливая и сдержанная Маев, вдова кузнеца Ниала, погибшего в битве с ванирами пять лет назад, не часто просила о чем-нибудь сына. Хозяйство было небольшим, и она справлялась с ним сама, полагая, что будущему охотнику и воину гораздо полезней проводить время в играх и потасовках с приятелями, стрельбе из лука и ловле рыбы в ручье. Вплоть до самых суровых морозов Конан прибегал домой, только чтобы поесть и выспаться. Конан любил мать, больше того, он гордился ею — сильной и гордой воительницей, чьи руки, несмотря на кажущуюся хрупкость, владели мечом не хуже многих мужчин, а отвага и хладнокровие в бою снискали уважение у всех соплеменников — канахов. Ее редкие просьбы помочь ей он выполнял с радостью. Он мог бы даже целый день стучать топором, готовясь к предстоящей суровой и вьюжной зиме, но только не сегодня. Только не в день Крадущейся Рыси!

Раз в год в день осеннего равноденствия молодежь селения с раннего утра находилась в радостном возбуждении. В день Крадущейся Рыси все юноши, которым в этом году исполнилось пятнадцать лет, получали возможность стать настоящими охотниками и

полноправными членами общины.

Обычай этот был очень древним и соблюдался у канахов с незапамятных времен — хотя ныне многим куда больше по душе были жестокие традиции других киммерийских племен, где мужчиной начинали считать юношу после убийства им первого врага. Суровые времена, суровые нравы… Но сейчас, пока общине не грозила непосредственная опасность со стороны воинственных соседей, день Рыси оставался тем же праздником, каким был всегда.

На рассвете каждый из юношей прихватив крепкий лук и хороший запас стрел, отправлялся горы, со всех сторон окружавшие селение, словно надменные мрачные великаны, сгрудившиеся над тесной кучкой домов. К вечеру они возвращались, нагруженные добычей. Самые старые и уважаемые мужчины, опытные охотники и израненные в сотне битв воины, собравшись вместе, решали, достойна ли подстреленная дичь того, чтобы юноша с этих пор назывался мужчиной, либо ему нужно еще поучиться стрелять из лука и лазать по скалам, и принять участие в испытаниях на следующий год. К чести юных киммерийцев, случаи, когда пятнадцатилетний охотник не проходил испытания с первого раза, и его вступление в возраст мужчины откладывалось на следующий год, были крайне редки и считались большим позором.

Все, что добывали за день молодые охотники, — туши оленей и кабанов, связки куропаток, сурков и кроликов, — их матери и сестры мгновенно потрошили, варили, тушили и жарили, после чего вечером в селении наступил настоящий праздник, с грудами обильной и сытной еды, с танцами вокруг огромного, рвущегося в небо костра, с играми и забавами.

Смех и песни веселящейся молодежи не стихали обычно до самого утра, и суровые старики в эту ночь, единственную ночь в году, не одергивали юнцов, не ворчали, но также не спали до рассвета и в узком своем стариковском кругу, у потухающих углей предавались воспоминаниям о днях былых, когда и охотники были удачливей, и герои отважней, и костры ярче…

Конану весной этого года исполнилось тринадцать лет. Для своего возврата он был высок и крепок, в играх и драках не раз побеждал парней, которые были старше его и на год, и на два. Первого своего оленя он убил два года назад, а первого медведя завалил зимой этого года. Сын кузнеца Ниала считал, что имеет право участвовать в испытаниях дня Крадущейся Рыси — но взрослые рассудили иначе. Возврат мужчины определялся не только высоким ростом, упругими мускулами и умением поражать крупного веря. Настоящий мужчина — это, прежде всего, крепкий и быстрый ум. Пусть Конан подождет еще два года. За это время его охотничье умение еще больше возрастет, рука станет тверже, разум же обретет остроту и силу.

— Не расстраивайся, Конан, — сказал ему старый Меттинг, лет тридцать назад бывший самым лучшим охотником в округе. — Не стоит торопить время. Тебе кажется, что два года — целая вечность, но поверь мне, это сущий пустяк. Когда ты вырастешь, тебе не раз захочется притормозить бег луны по небу, словно она — чересчур норовистый и резвый жеребец, от бешенной скачки которого серебрятся волосы и выпадают зубы…

Конан на его увещевания лишь упрямо помотал головой.

— Тощий Хроб будет участвовать в испытаниях Крадущейся Рыси! — с обидой сказал он. — Вербин, слабый и трусливый, как аквилонская женщина! Ни у того, ни другого нет за плечами не то что медведя, даже жалкого кабана!..

— Я не сомневаюсь, Конан, сын Ниала, что через два года в день Крадущейся Рыси твоя добыча будет больше и славнее всех, — ответил Меттинг, улыбаясь в желтоватую от старости

бороду. Ему нравились напор и уверенность в своих силах высокого не по годам мальчишки с синими и холодными, словно ледники гор в сумерки, глазами. — Я уверен, самые красивые девушки будут плясать с тобой у большого огня.

Конан только сплюнул, отвернувшись, устав доказывать и спорить, и побрел прочь.

И вот теперь, раскалывая звонкие и пахнущие осенью поленья, он лишь выжидал удобный момент для бегства. К счастью, ждать, нетерпеливо постреливая по сторонам глазами, пришлось недолго. Маев, накинув на плечи меховую накидку, куда-то вышла, и в тот же миг мальчик бросил топор. Вернувшись в хижину, он схватил свой лук — подарок матери к десятилетию — и самодельный нож с рукояткой из раздвоенного копыта оленя. Нож этот в свое время он сам выковал в отцовской кузнице и очень гордился им — неуклюжий и корявый, он был очень прочным, незаменимым в любой охоте и держался в ладони так удобно и ладно, словно срастался с ней.

Незаметно выскользнув со двора, Конан помчался по тропинке, ведущей к окраине селения. Он старался не попадаться на глаза никому из соседей; за спиной мальчика висел лук, на поясе — колчан со стрелами. Любой из встреченных им в лучшем случае одарил бы понимающей усмешкой, а в худшем — суровым внушением. В день Крадущейся Рыси было негласно принято всем не участвующим в испытаниях оставаться дома и не пытать счастья на горных тропинках.

Отцы и деды пятнадцатилетних охотников, а также их младшие и старшие братья коротали время до вечера, обсуждая — вплоть до горячих перепалок и даже драк, — кто именно окажется сегодня победителем, дотащив до селения больше всего охотничьих трофеев.

Отбежав за пределы видимости из самого крайнего двора, Конан остановился — отдышаться и подумать. Он знал, что большинство юных охотников отправятся на промысел к югу и юго-западу от селения. Именно те края особенно любили олени, лоси и кабаны. В таком случае он, Конан, пойдет на север. Скалистые уступы на севере высоки и безжизненны, карабкаться по ним — одно наказание, да и из живности попадаются лишь осторожные горные козлы и редкие снежные барсы. Что ж, прекрасно! Значит, Конан притащит к вечеру и небрежно бросит у гудящего костра две-три головы горных козлов и великолепную густую и пушистую шкуру снежного барса…

В таких мечтах охотник-самозванец карабкался по голым камням, лишь изредка поросшим мхом и сухими колючками. Ноги его были босы — как и все киммерийские мальчишки, он ходил босиком до самых заморозков, и коже на его подошве могли бы позавидовать сапоги из самых прочных телячьих шкур.

Осеннее солнце светило ярко, но не припекало. Прозрачный осенний воздух настраивал на самый бодрый лад. К вечеру он притащит к большому огню три — нет, пять! — голов горных козлов и пятнистую шкуру огромной красивой кошки… И пусть только Меттинг и остальные взрослые посмеют сказать, что ему нужно выждать еще два года, и что для мужчины главное — острый ум! справиться с опасным и коварным хищником под силу только очень сообразительному, очень осторожному и мудрому, как старый змей… Хотя в голове мальчика клубились яркие самолюбивые мечты, глаза его оставались пронзительно-зоркими и подмечали каждое движение в радиусе пятисот шагов, а уши ловили самые слабые шорохи.

Внезапно Конан остановился. Ему показалось, или что-то действительно шевельнулось впереди, шагах в пятидесяти от него?.. Да, так и есть! Горный козел, приподняв украшенную

рогами голову, смотрел в его сторону, готовый ринуться вскачь по острым камням. И не просто горный козел, а — хвала Крому! — тот редкий его вид, у которого прямо устремленные в небо рога закручиваются красивой тугой спиралью. Из такого рога можно сделать прекрасную рукоять кинжала с готовыми выемками для пальцев, можно повесить его на грудь, можно подарить самой красивой девушке, чтобы она носила его в своих густых волосах…

Конан затаил дыхание, осторожно нащупывая за плечом лук. Но как бы ни были вкрадчивы его движения, горный козел, взмахнув головой, ринулся прочь, едва касаясь камней легкими копытами. Конан бросился следом, уже не думая об осторожности. Теперь самое главное — у кого из них окажутся быстрее ноги! В азарте погони мальчик перепрыгивал через такие расщелины, какие в спокойном состоянии благоразумно обошел бы вокруг. Шершавые и цепкие подошвы босых ног хорошо удерживали на седых от лишайника скалах. Он помогал себе руками, по-обезьяньи ловкими, цепляясь за корни и стебли колючек.

Иногда козел подпускал его к себе так близко, что можно было рассмотреть зрачки в его глазах — не круглые, как у людей и прочих животных, но горизонтальные, похожие на две бескровные прорези от узкого ножа. Можно было отчетливо полюбоваться и блестящими на солнце витыми рогами. Но стоило Конану потянуться рукой к луку, как лукавое животное встряхивало головой и снова пускалось вскачь. Казалось, козел знал, что находится в безопасности до тех пор, пока руки мальчика свободны. Конан стал уже терять терпение.

Грудь его тяжело вздымалась от быстрого бега, подошвы ног горели, икры и ладони, расцарапанные о колючки и щебень, невыносимо чесались.

— Ну, подожди же! — крикнул он козлу совсем по-детски. — Ну, постой хоть немного! Мне очень нужны твои рога, понимаешь?.. Мне позарез необходимо вернуться домой с твоими рогами!

Козел замер, словно его разжалобили просьбы мальчика, и он решился пожертвовать своими красивыми рогами — заодно с головой. Не веря своей удаче, Конан потянулся к луку. Вот он уже снял его с плеча… вот осторожно вытащил из колчана стрелу и дрожащими от волнения пальцами начал натягивать тетиву… Но наглое и насмешливое животное, словно издеваясь над ним, сделало высокий скачок и понеслось прочь.

— Чтоб ты провалился в пропасть! — в сердцах пожелал ему мальчик. — Пусть отвалятся твои ноги, пусть сгниют твои рога, пусть мясо твое достанется на ужин снежному барсу!..

Словно обидевшись на его проклятия, или же просто наскучив игрой, козел больше не останавливался. Он летел стремительно, осыпая из-под крепких копыт мелкие камушки, и вскоре его светло-коричневая спина мелькала уже очень далеко от неудачливого охотника, а потом и исчезла вовсе.

Усталый и раздосадованный, Конан опустился на камни, на которых стоял. Сколько времени угробил он на этого зловредного козла! За это время можно было бы подстрелить пару простых козлов или, на худой конец, десяток сурков, застывших рыжими столбиками у своих многочисленных норок.

Правда, возвращаться домой с одними сурками он счел бы позором — ведь это такая легкая и скучная добыча! Хотя вареные сурки и вкусны необычайно…

Интересно, где он находится? В погоне за козлом Конан забыл обо все на свете и сейчас, немного передохнув, решил выяснить свое местонахождение. Он оглянулся по сторонам и,

заметив невдалеке высокую скалу, формой напоминающую фигуру согнувшегося в три погибели старика, без особого труда вскарабкался на нее. К удивлению мальчика оказалось, что он находится совсем недалеко от родного селения. Видимо, зловредный козел водил его по кругу. Уйдя в северном направлении, теперь он находился к востоку от своего дома.

Всего в полутора тысячах шагах от него виднелись знакомые крыши, присыпанные сверху для тепла слоем земли. Он мог разглядеть и свою хижину, и даже брошенный во дворе недоколотые поленья. Теперь уже Конан узнавал местность, вначале показавшуюся ему совсем незнакомой. Конечно же, он бывал здесь и прежде, хотя и не часто — два или три раза.

Ни играть, ни охотиться в этих местах было нельзя, так как с незапамятных времен киммерийцы хоронили здесь своих умерших.

С вершины скалы можно было хорошо рассмотреть кладбище: ложбину с высокой травой, со всех сторон стиснутую скалами и выглядевшую особенно зеленой по контрасту с угрюмыми камнями. В траве этой любили селиться кролики; на каждом шагу попадались их норы, напоминающие любопытные зрачки в толще почвы. В Киммерии не было принято насыпать над умершими курганы, если не считать единственного места — Поля Вождей у подножия горы Бен Морг, где хоронили прославленных воинов. Места же вечного успокоение простых жителей селения отмечались лишь обломками скал. На каждом обломке были выбиты знаки, по которым киммерийцы, не имеющие своей письменности, могли знать, кто именно покоится здесь. Так, окружность с крестом внутри означала, что под камнем зарыт уважаемый и мудрый старик; фигура, напоминающая елочку, указывала, что здесь покоится женщина, умершая при родах; символическое обозначение места являлось знаком, что серый камень охраняет покой павшего в битве воина. Именно таких камней, с неуклюже выдолбленными мечами, похожими на кресты с маленькой горизонтальной перекладиной, было на кладбище больше всего.

Конан прилег на спину, раскинув руки, чтобы хорошенько отдохнуть перед продолжением охоты. Тень от скалы, напоминающего старика, падала ему на лицо, защищая от солнца. Он вяло думал о том, в какую сторону ему следует направить свои исцарапанные ступни теперь, чтобы вернуться-таки к вечеру к большому огню, нагруженному головами, рогами и шкурами… Может быть, повернуть на юг? Конечно, он рискует встретиться там с одним или несколькими превращающимися в мужчин юнцами. Они будут насмехаться над ним, особенно если плечи его и руки будут пусты… ну и пусть! Зато на южных луговинах он наверняка подстрелит оленя, а может быть, и не одного…

Внезапно Конану почудилось, что земля у подножья скалы, на которой он распростерся, слегка вибрирует. Он перевернулся на бок и прижался к ней ухом. Так и есть! Изнутри доносился невнятный гул, находящийся там шумел или разговаривал. Что за шутки?! Кто может разговаривать в брюхе горы?.. Не иначе как злые духи! Недаром взрослые не разрешают детям слоняться и играть вблизи кладбища…

Первым порывом мальчика было бежать со всех ног подальше от зловещего места. Но он пересилил себя. Убежать он всегда успеет! Крепкие и резвые пятки еще ни разу его не подводили. Но как любопытно было бы взглянуть, хотя бы издали, на злобного духа, живущего под землей! Может быть, это те самые драчливые духи, от ссор которых дрожат горы и разверзаются трещины в почве? Он поглядит на них только краем глаза, но зато вернется потом в селение не только с рогами и шкурами, но и с таким захватывающим рассказом, что все мальчишки, даже пятнадцатилетние, лопнут от зависти!

Конан обошел скалу со всех сторон, то и дело, припадая к ней ухом и стараясь отыскать место, где гул и невнятный шорох слышны лучше всего. Вскоре он обнаружил такое место.

Это были щель между скалой и большим обломком камня, видимо, отколовшимся от нее. Мальчик попытался оттащить обломок в сторону. Он был тяжелый, но после упорных раскачиваний и толчков все же сдвинулся с места; щель стала шире. Теперь из нее доносились довольно явственные звуки: гулкие удары, шорох осыпающихся камней, голоса… Настоящие людские голоса, хотя слов и даже языка, на котором они произносились, разобрать было невозможно.

Конан еще настойчивей навалился на камень. Он расшатывал его, толкал и тянул до тех пор, пока щель между ним и скалой не стала такой широкой, что он уже попытался пролезть в нее. Поколебавшись несколько мгновений, мальчик стал протискиваться в веющее мраком и тайной отверстие.

Когда все его тело, вплоть до макушки, проскользнуло под землю, он повис на руках, дергая ногами и пытаясь нащупать опору. Но под пятками была пустота. Мелкие камни, срывающиеся из-под его локтей и колен, с шорохом сыпались вниз. Судя по звуку, дно было не слишком глубоко, и Конан решился на прыжок. Подобравшись всем телом, он опустил руки…

Мальчик был готов ко всему — и к хрусту своих ломающихся костей в том числе, но только не к тому, что гладкий камень, на который он приземлился, спружинив ступнями и почти не ударившись, зашевелился под ним. В первый момент Конан решил, что начинается землетрясение.

Ведь только когда колеблется и разверзается земля — оттого, что злобные духи, живущие в ней, идут войной друг на друга, огромные камни шевелятся и подпрыгивают, как детские тряпичные мячики. Но он тут же отбросил эту догадку.

Шевелился один-единственный камень с глянцевитой и чуть теплой поверхностью, на который его угораздило свалиться, все же остальное пребывало в неподвижности.

Камень не просто шевелился — он, как показалось Конану, полз. В первый момент мальчик не мог ничего разобрать из-за окружавшей его непроницаемой темноты. Но постепенно тьма рассосалась. Голубевшее полуденным небом отверстие, сквозь которое он проник сюда, давало немного света. К тому же, каменные стены подземелья впереди него отбрасывали оранжевые блики, словно где-то за поворотом горел огонь.

В неярком двойном свете Конан с ужасом разглядел, что то, что он принял за круглый камень, на самом деле оказалось спиной гигантского жука. Такое диво он видел первый раз в жизни! Мурашки пробежали вдоль его позвоночника, ладони похолодели. Впрочем, мальчик тут же сообразил, что жук не в силах причинить ему вред до тех пор, пока он сидит на его спине. Любой мальчишка знает, что насекомое не может дотянуться челюстями либо лапами до собственной спины. Нащупав на поясе нож, Конан стал прикидывать, куда лучше всего всадить хорошо заточенной лезвие — в один из огромных, похожих на эбеновые чаши глаз или же в маленький шерстистый затылок. Все остальное тело жука было покрыто прочным панцирем, который нечего было и надеяться пробить ножом.

Жук полз вперед медленно и спокойно, и невозможно было понять, замечает ли он вообще своего ошеломленного всадника. Казалось, он просто направляется по своим делам, ни на что не обращая внимания. В неверном свете его спина отливала металлическим сине-зеленым блеском и напоминала хорошо прокаленные стальные доспехи. Пара усиков, похожих на две усыпанные ровными иголками ветви, шевелились по обеим сторонам головы,

ловя не то звуки, не то запахи.

Между глазами вздымался блестящий, изогнутый назад рог, длинной с хороший кинжал. Он казался отполированным, и его так и тянуло погладить пальцами или сжать в ладони.

Челюстей и зубов гигантского насекомого, сидя на спине, Конан разглядеть не мог, и, возможно, это было к лучшему. Пока мальчик прикидывал и примеривался, взвешивая на руке свое самодельное оружие, голоса зазвучали совсем громко и отчетливо, дав иное направление его мыслям.

Несомненно, где-то неподалеку были люди! И они разговаривали на киммерийском наречии, то есть были его сородичами, возможно даже, жителями его селения. Судя по отрывистым фразам, заглушаемым ударами металла по камню, люди что-то долбили и отрывали — скорее всего, искали те самые плавящиеся камни, из которых куют мечи, топоры и доспехи. Конана удивило только место, где они этим занимались. Никогда прежде он не слышал, чтобы кто-то добывал железо или медь вблизи от кладбища.

«Осторожнее!», «Подай в сторону!», «Помоги-ка!..» — эти и другие рабочие реплики перебивались звоном кувалд и скрипом несмазанных тачек.

Окончательно успокоившись относительно таинственных земных голосов, Конан вновь переключил внимание на своего невозмутимого скакуна. Пожалуй, прежде чем всаживать в него нож, стоит окликнуть работающих, чтобы они полюбовались на небывалое зрелище: оседлавшего подземное чудовище мальчишку! А потом он убьет его. Если вдруг жук окажет сопротивление, взрослые мужчины помогут ему. Но это, конечно, в самом крайнем случае.

Скорее всего, Конан отлично справится с жуком сам! Вряд ли они откажутся одолжить ему одну из своих тачек. Старый Меттинг, не говоря уже об остальных, онемеет от изумления, когда Конан вывалит на землю у большого огня большую, блестящую, как аквилонский щит, тушу. Это будет похлеще снежного барса! Полированный рог он будет носить у себя на шее, а из прочных синих надкрылий сделает доспехи…

До конца довести сладостную мечту Конан не успел: жук повернул за угол, и глазам мальчика открылся более широкий проход в зеле. По стенам на расстоянии десяти-пятнадцати шагов были прикреплены тускло светившие факелы. Несколько голых до пояса мужчин с тяжелыми кайлами и лопатами в руках трудились, сокрушая и разгребая породу. Поглощенные работой, они не замечали мальчика и его странного скакуна. Один из мужчин, мерно сгибавшийся и разгибавшийся вблизи от факела и оттого хорошо различимый в неярком свете, показался Конану знакомым.

Да ведь это же… В первый миг широкая улыбка расцвела на лице мальчугана. Это Кевин!

«Эй, Кевин!» — громко заорал он, от избытка чувств подпрыгнув на жесткой и гладкой спине жука.

Но в следующий же миг открытый рот свело судорогой. Да, это действительно Кевин, его двоюродный брат и хороший приятель, тот самый Кевин, что погиб в короткой и жестокой схватке с ванирами полгода назад… Конан сам тогда рыл землю, куда должны были опустить его тело с небольшой рваной раной от стрелы над ключицей. Подростки рыли могилы наравне со взрослыми, потому что нападение ваниров было внезапным и предательским, как и свойственно этим рыжеволосым варварам. Воины-канахи не успели, как следует подготовиться к битве, и много мужчин и юнцов, впервые в тот день взявших в руки оружие, полегли на грязный весенний снег. Конан хорошо помнит, как трудно было долбить мерзлую землю, как жгло у него где-то под ребрами, и яростная боль окрашивала все

вокруг в черные и багровые тона: Кевин, лучший товарищ его игр, семнадцатилетний беспечный и смешливый Кевин должен был ложиться в стылую, искрящуюся от крупинок льда глину…

Кевин, голый до пояса, с масляно блестевшими от пота туловищем, обернулся на крик Конана и, узнав его, медленно двинулся в его сторону, загребая ногами, как усталый старик.

— Нет-нет, Кевин! — спохватившись, закричал мальчик. — Я не звал тебя! Я не звал тебя! Тебе послышалось!

Не обращая внимания на эти крики, Кевин продолжал приближаться к нему. Жук остановился, словно испугавшись или насторожившись, и заскреб лапами по влажным камням.

Проклятье! Конан судорожно пытался вспомнить, что надо сделать или сказать, чтобы умилостивить рассерженных духов мертвых, вылезших из могилы, но от страха ему ничего не приходило в голову.

— Кевин! — умоляюще взвыл он, выставив вперед ладони, словно мог ими защититься от призрака. — Я не делал тебе ничего плохого! Разве ты не помнишь: мы всегда играли с тобой вместе и никогда не дрались! В твою могилу я положил свой кремень и топорик. Хочешь, я зарою еще тебе свой лук?.. Он стреляет на сто шагов! Не подходи ко мне, заклинаю тебя, Кевин!..

Кевин остановился, подойдя к жуку почти вплотную. Он почти не изменился со времени своей гибели. На месте рваной раны под горлом светлел небольшой шрам.

— Я не призрак, Конан, — сказал он спокойно.

Казалось, встреча с бывшим приятелем совсем не удивила и не взволновала его.

— Я не дух. Можешь дотронуться до меня, если хочешь.

— Я не хочу до тебя дотрагиваться! Уйди, ну пожалуйста!.. — Конан знал, что духи умерших идут на любые уловки, чтобы захватить живого человека и вдоволь напиться его горячей крови, и самое главное — не верить им и не поддаваться на их уговоры.

Кевин, словно не слыша отчаянной мольбы в голосе бывшего приятеля, протянул руку и коснулся его плеча. Конан отшатнулся, едва не слетев кубарем со спины жука, по-прежнему стоявшего смирно, словно послушный конь. Но короткого мига было достаточно, чтобы почувствовать: пальцы Кевина — теплые и живые, это не ледяное прикосновение духа!

— Ты… не мертвый?.. Ты жив?!. — Конан не знал, верить ли своим глазам, ушам и осязанию.

— Я не призрак и не дух, Конан. Но я и не жив, — тихо ответил Кевин.

— Я понял! — осенило мальчика. — Должно быть, я упал со скалы и разбился! И теперь мы оба с тобой на Серых Равнинах. Но неужели здесь надо все время долбить землю, словно рабам?!

Кевин не успел ответить. Привлеченные их разговором, другие мужчины тоже оставили работу и подошли ближе. Все они были воинами, убитыми в весенней стычке с ванирами.

Вот широкоплечий и рослый Браг, напоминающий кусок скалы с едва вырубленными в нем человеческими очертаниями.

Помнится, на его мертвом теле не было ни одного места, не исколотого вражескими мечами. Его рубили уже упавшего, уже бездыханного — так велика была ненависть врагов к самому могучему и неистовому киммерийскому воину. Он дорого отдал свою жизнь — не меньше двадцати бешенных рыжих собак отправил он на Серые Равнины, прежде чем самому уйти туда же… Вот сероглазый Йолл, в жилах которого текла наполовину

аквилонская кровь, придававшая мягкость и волнистость волосам и нежную вкрадчивость голосу. Оттого, должно быть, вокруг него всегда вились смешливым и ласковым роем девушки. Та битва была для него первой и последней — как и для Кевина… Вот Сангур, дальше всех посылавший стрелу, перегонявший в беге оленя. Конан хорошо помнил, как его молодая жена бросалась в разверстую могилу, куда только что опустили его изрубленное тело, как мужчины силой оттаскивали ее назад, а она умоляла оставить ее с мужем.

Был когда-то на киммерийской земле такой обычай: вместе с убитым воином хоронили и жену его, и коня. Часть мужчин предлагала тогда уступить просьбам вдовы, почтить доблестного Сангура, а заодно и обычаи древности. Но старый Меттинг накричал на женщину и прогнал с кладбища, пристыдив, напомнив о ребенке под ее сердцем, который уже стучался нетерпеливо, словно стремясь поскорее отомстить за отца…

«Это Конан, сын кузнеца Ниала… Конан… Здравствуй, Конан…» — раздавались негромкие голоса вновь подходивших.

— Они не призраки и не духи, как и я, — казал Кевин. — Не бойся их, Конан. Можешь потрогать их тоже.

Мужчины, не дожидаясь, пока он протянет к ним руку, сами касались его ладонями, шершавыми и загрубевшими от тяжелого подземного труда. Все они были почти те же, что и до своей смерти. Почти… Что-то неуловимое настораживало — не в чертах их, не в фигурах, а в интонациях голосов.

Монотонно, бесстрастно и тускло говорили они — ни радости, ни удивления, ни хотя бы гнева или досады… Наверное, так разговаривали бы песчаные холмы в пустыне или потрескавшиеся камни на вершине горы, если бы обрели голос. Неужели это Кевин, ребячливый и пылкий Кевин, который, бывало, не видя Конана день или два, при встрече приветствовал его радостным воплем и ощутимым шлепком по спине?..

— Мы не духи, Конан… Не бойся нас… — уныло шелестели Йолл, Сангур, быкоподобный Браг…

Внезапно все они стихли, словно услышав беззвучный приказ. Головы их повернулись в сторону появившегося человека. Да, то был поистине человек — живой, настоящий, ибо Конан не помнил, чтобы это щуплое сутулое тело когда-нибудь на его памяти зарывали в землю. Старик Буно, возникший за спинами полуголых мужчин, остро и пристально вглядывался в мальчика. Прозрачные камни на его груди и пальцах, которые он вечно носил на себе, словно аквилонская женщина, переливались в свете факелов.

— Ага! И ты здесь! — воскликнул Конан с немалым облегчением, ибо увидеть среди странных ходячих мертвецов живого и знакомого человека всегда приятно. — Может быть, хоть ты объяснишь мне, что здесь твориться? Я еще на земле или уже перенесся на Серые Равнины? Если меня убили, отчего я этого не заметил?

Буно и не подумал отвечать ему. Приглядевшись и узнав мальчика, он негромко приказал застывшим мужчинам:

— Схватите мальчишку! Живо!

Конан не успел даже отпрянуть, как Кевин, находившийся ближе всех к нему, крепко схватил его за предплечье.

— Э-эй, Кевин! Ты что?! — крикнул он, безмерно пораженный.

Следом за Кевином и другие мужчины попытались взять его в кольцо и не выпускать. К счастью, проходы в земляной толще были узкими, и сбоку подойти к мальчику никто не мог.

— Ты свихнулся, Кевин?! Отчего ты слушаешься эту облезлую вошь?!

Ладонь его бывшего друга сжимала его все крепче и тянула к себе. Поняв бесполезность увещеваний, Конан изо всей силы ударил товарища по играм ногой в колено, а когда тот вскрикнул и согнулся — совсем как живой! — ослабив свою хватку, кинулся назад. При этом он скатился с выпуклой спины жука, о котором успел совсем позабыть. Кевин тут же выпрямился и рванулся, хромая, следом, но ему пришлось преодолевать большое препятствие в виде перегородившего проход насекомого, флегматично подрагивающего усиками.

Опасаясь подставить противникам спину, Конан быстро пятился, то и дело, спотыкаясь о выбоины и обломки породы. К счастью, идти было недалеко, и вскоре над его головой заголубела извилистая щель.

— Хватайте же его! Идиоты! Тупоголовые бараны! Скорее! — Буно уже вопил во весь голос, как видно, не на шутку испугавшись, что мальчик ускользнет от своих преследователей и вернется откуда пришел.

Конану оставалось самое трудное: вскарабкаться наверх. Упираясь ладонями, коленями и пятками в шершавые выступы камня, он пополз навстречу слабому полудневному свету. Кевин настиг его, когда пальцы уже вцепились в край расщелины. Почти вырвавшись на волю, Конан с ужасом и тоской почувствовал, как руки бывшего друга ухватились ему за лодыжки и тянут вниз.

— Чтоб ты лопнул, Кевин! — горячо пожелал ему мальчик. — Чтоб тебя разорвало пополам! Что ты провалился в утробу Нергала!

Конан вспоминал самые отборные проклятия, какие когда-либо слышал, но Кевин держал крепко. Но при этом — вот уже этого совсем невозможно было понять! — он повторял, монотонно и сухо, словно в полусне:

— Беги отсюда, Конан. Беги скорее. Никогда больше не появляйся здесь. Беги. Беги, Конан…

— Ты издеваешься надо мной?! — выкрикнул в отчаянии мальчик. — Как я могу убежать, если ты вцепился в меня, как голодный оборотень?! Предатель!

На миг руки Кевина разжались. То ли подействовали проклятья, то ли он просто устал — Конан не стал долго раздумывать над этим. Он мгновенно подтянулся и выскочил наружу, здорово исцарапав себе при том плечи и разорвав кожаный плащ. Кубарем мальчик скатился по склону скалы вниз и позволил себе остановиться и отдышаться, только отбежав шагов на триста от проклятого места.

* * *

Чем плотнее становились сумерки, тем ярче и выше плясал большой огонь, щедро рассыпая вокруг веселые искры, тем раскованней и горячее несся навстречу ночи праздник Крадущейся Рыси.

Больше всех удача обласкала в этом году косого Илда. Он притащил, кряхтя от натуги, на своей не слишком широкой спине голову кабана, пару оленьих рогов и целую связку кроликов. Мужчины смеялись, что косые глаза Илда только помогают ему при стрельбе из лука: сведенные к переносице, они увеличивают точность прицела. И вот теперь Илд больше всех кричал и размахивал руками у стреляющего искрами огненного снопа, и ни одна девушка, даже самая гордая, не могла отказаться, когда он приглашал ее на разудалый танец и

норовил прижаться покрепче, выделывая при этом ногами немыслимые кренделя. Впрочем, все остальные новоиспеченные охотники, а также их отцы и братья веселились не меньше победителя, плясали и тянули перебродивший клюквенный сок, кроме, разве что, Вербина, слабого и изнеженного, как аквилонская девчонка. За целый день ему удалось подстрелить только пару сурков для того, чтобы называться отныне взрослым мужчиной. Вербин теперь должен был держать испытание на следующий год, а пока — быть предметом безжалостных насмешек более сильных и ловких его сверстников.

Впрочем, помимо несчастного Вербина, еще одному юному канаху не пелось и не плясалось в этот вечер. То был Конан. Утреннее приключение отбило у него всякую охоту гоняться по скалам за козлами и барсами, завоевывая право называться мужчиной. На обратном пути с кладбища глаза ему то и дело мозолили толстые тельца сурков, посвистывающих у своих норок, а один раз он заметил затаившегося в кустах оленя, но рука его даже не потянулась к висящему за плечом луку. Настроение было совсем не то. Встреча с погибшим полгода назад товарищем и другими воинами, чьим телам полагалось бы давно уже истлеть под обломками гранита, злобный взгляд Буно и его иступленные приказы «изловить мальчишку» не давали Конану покоя, не отпускали его память, снова и снова гоняя по кругу угрюмые и недоуменные мысли.

Больше всего его поразило и потрясло то, что Кевин, верный и бесстрашный Кевин по приказу тщедушного старичишки кинулся ловить своего старого друга. Тот самый Кевин, который полгода назад дрался насмерть с огромной голодной рысью, когда во время охоты та спрыгнула с ветки ели и вцепилась в шею зазевавшемуся Конану. Тогда они вдвоем еле-еле остались в живых и доползли до дома израненные и окровавленные, на ужас своим матерям… Тот самый Кевин, который в любой мальчишеской драке всегда становился на сторону двоюродного брата, даже если противники превосходили их числом в два или в три раза… Конану казалось, что его предплечье все еще болит в том месте, куда вцепились крепкие пальцы бывшего друга. Лодыжки, куда он впился еще сильнее, с исступлением преданного раба, тоже болят. Ухватился и тянул вниз, но губы при этом шептали, умоляли: «Беги, Конан»…

Как такое понять?

Конану вспомнилась весенняя стычка с ванирами. Он не мог принять в ней участие, так как был слишком юн, и никто из взрослых не позволил бы ему взять в руки меч. Вместе с другими мальчишками он наблюдал за ней с крыши кузницы, стоящей на холме, откуда открывался вид на широкую луговину. Под ними тогда едва не проломились подгнившие доски. Отличавшийся отменным зрением, Конан не сводил глаз с фигуры друга. Кожаные доспехи были великоваты Кевину, и меч казался чересчур длинным и тяжелым в юношеской руке, но лихая отвага, веселая ослепительная ярость так и сквозили в каждом его движении. Гордость за друга и жгучая зависть к нему переполняли мальчика. Он так вглядывался и переживал, что позабыл себя, и ему начало казаться, что это он, а не Кевин, рубит устрашающе вопящих рыжих врагов, отгоняет пинками их черных псов, норовящих вцепиться в ноги, победно кричит, запрокидывая голову, приоткрыв беззащитное горло. И это в его, Конана, шею впилась стрела, так что он захрипел и повалился навзничь, захлебываясь черной кровью… Боль в глотке была настоящей, горячей и острой.

Конан едва не скатился с обледенелой крыши, в последний момент, зацепившись за ее кромку, обдирая пальцы и ломающиеся сосульки…

Чем шумней и неистовей становился праздник, тем более одиноким чувствовал себя сын

кузнеца Ниала. Ему необходимо было поделиться всем увиденным и пережитым сегодня, и как можно быстрее. Вот только с кем? Приятелям его сейчас не до того: хмельной клюквенный сок, веселые языки огня, разгоревшиеся лица девушек… Да и что могут посоветовать неопытные мальчишки? Они и не поверят ему. Только проживший долгую жизнь и мудрый человек — такой, как старый Меттинг — может разобраться в таинственных и жутковатых событиях сегодняшнего утра…

Конан решил рассказать обо всем Меттингу. Трудность заключалась в том, что старик, как и прочие жители селения, вовсю веселился сейчас у огня, накачиваясь вином и пивом и наблюдая за плясками молодежи. Мальчик долго не мог улучить момент, чтобы поделиться тем, что жгло и щекотало ему язык.

Наконец он решился — и неудачно! Меттинг слушал его вполуха, другой половиной ловя разудалые песни, что завели подвыпившие женщины.

Распустив по плечам черные и жесткие, как конские гривы, волосы, вдохновенно и грозно сверкая глазами, киммерийки пели так, что звезды дрожали в небе. Лишь только смолкли их высокие голоса, песню подхватили мужчины, хрипло и рокочуще, словно разбуженные зимой медведи… Конан совсем не был уверен, что старик хоть что-то расслышал из его взволнованного и бессвязного рассказа. Но лишь только он закончил, Меттинг повернулся к нему и укоризненно вздохнул.

— Выбрось все это из головы, мой мальчик! — сказал он. — Ты расстроился, что тебе не позволили принять участие в испытаниях Крадущейся Рыси? Ты решил вместо оленьих и кабаньих голов притащить с охоты рассказ, который удивил бы всех?.. Но в него невозможно поверить! Мертвые и зарытые глубоко в землю воины не могут добывать железо. Их руки не могут быть теплыми и крепкими, как у живых. Старик Буно чем-то досадил тебе, и ты решил ославить его как колдуна и властелина мертвых? А ты знаешь, что если бы не Буно, тебя самого не было бы на свете?

— Это почему же? — буркнул мальчик.

— Лет десять назад в наших краях бушевала страшная болезнь, может быть, ты слышал, — ответил Меттинг, слегка покачивая головой в такт несмолкающим песням. — Мужчины, женщины, дети покрывались язвами, распухали и умирали в таком количестве, как бабочки-однодневки на исходе летнего дня. Старик Буно сбился с ног, перебегая от хижины к хижине. Из каждой раздавались стоны, в каждой кто-нибудь был близок к смерти. Если бы не его чудодейственные мази и лекарства, все наше селение вымерло бы, на радость подлым ванирам. Он спас всех нас, Конан, и тебя в том числе, потому что, прежде всего, он старался лечить молодых мужчин и маленьких мальчиков.

— Ну и что же! — запальчиво ответил Конан. — Если он когда-то кого-то и вылечил, то это не значит, что теперь ему нужно спускать все его колдовские мерзости!

— Очень прошу тебя, Конан, — сказал Меттинг — уже не так мягко, но гораздо строже и суше, — забудь о том, что мне сейчас наговорил, и никому больше не пересказывай свои глупые и злые выдумки. Если это дойдет до Буно, он сильно на тебя обидится и будет прав. Еще больше обидится твой брат Кевин, которого ты выставил трусливым предателем. Ты думаешь, он сейчас не слышит нас с тобой?.. Не каждый знает об этом, но тебе я скажу: души погибших доблестной смертью слышат, когда живые вспоминают о них. Они могут слетаться на голоса друзей и родных и, невидимые, пребывать рядом.

Кевин слышит тебя, и ему сейчас очень горько. Ты глубоко оскорбил павшего славной смертью друга.

Конан готов был взреветь от досады и разочарования.

Мудрый и опытный Меттинг не поверил ему! Что же тогда говорить о других, не таких мудрых, седобородых и опытных?.. Он поднялся, махнул безнадежно рукой и побрел прочь, подальше от суматошного праздника, в который ему сегодня не суждено было влиться.

Проходя мимо группы тех, кто не пел и не плясал, но лишь наблюдал за пляшущими — то ли в силу возраста, то ли чрезмерно накачав себя молодым вином, Конан едва не задел плечом согбенную фигуру, с головы до ног обвешанную самоцветными и костяными украшениями. То был Буно, пьяно покачивающийся в ритме танца, прикрыв веки и пощелкивая сухими и жесткими, как желтоватые орехи, пальцами. На его шее с обвислой, словно у ящерицы, кожей, висело что-то вроде ожерелья из плотно пригнанных друг к другу перьев ворона. Это украшение, насколько помнил мальчик, старик не снимал никогда. На груди болталось множество амулетов из отшлифованных камней, медвежьих клыков и рогов оленя. В праздники Буно всегда разукрашивал себя больше, чем любая, даже самая глупая и вздорная женщина, но Конан знал, что ни один из клыков или рогов не добыл он во время охоты своими руками. Все кости, шкуры и рога были подарками, которые несли ему мужчины и женщины селения за то, что он врачевал раны, принимал роды, заговаривал кровотечения, смирял резь в животе и отваживал злобных духов. На охоту же Буно не ходил никогда, как и ни разу на памяти Конана не принял участие в битве: ни с рыжими ванирами, ни с бритунцами, ни с аквилонцами в роскошных доспехах…

Миновав позвякивающего и пестрого, словно детская погремушка, старика, Конан оглянулся. Его словно что-то кольнуло: Буно смотрел в его сторону своими маленькими и очень светлыми, почти белыми глазами. В них не было ни капли хмеля, но только настороженная злоба. Несомненно, старик заметил, как Конан разговаривает с Меттингом, и теперь словно пытался прочесть в понурой фигуре мальчика о результатах этого разговора. Конан ответил ему дерзкой усмешкой, подумав про себя, что если бы Буно мог, он проткнул бы его насквозь глазами, он испепелил бы его белым огнем зрачков, как сжигают на костре туши падших от заразных болезней овец и коз.

Как ни странно, откровенная ненависть в глазах колдуна не испугала, а лишь подстегнула и возбудила мальчика.

Уныние, которое навеял на него разговор с Меттингом, тотчас прошло и сменилось веселой яростью. Если до сих пор Конан слегка колебался: а что если он ударился головой на охоте, сорвавшись ненароком со скалы, и все эти страшные картины ему пригрезились, — то один этот взгляд рассеивал все сомнения. Сын кузнеца Ниала не выдумщик и не лжец, и уж, тем более, не ударившийся головой недоумок! Буно ненавидит его со страшной силой, выплеснувшейся во взгляде украдкой, как яд из зуба змеи, оттого что Конан прикоснулся к какой-то мерзкой его тайне.

Ненавидит? Вот и прекрасно! Он, Конан, тоже ненавидит его. Хотя бы из-за Кевина, веселого и безрассудного Кевина, которого колдун вытащил из его мерзлой, но славной могилы и превратил неизвестно во что. Посмотрим, чья ненависть окажется сильнее, и кто кому наступит на горло в этой борьбе…

Мать Конана вместе со всеми женщинами веселилась у большого огня, поэтому в этот вечер мальчик был избавлен от домашних упреков и расспросов. Никем не замеченный, Конан вернулся домой, но не лег спать, а забрался на крышу хижины. Это было из его любимых укромных мест, куда он поднимался, когда по какой-либо причине хотел побыть в одиночестве. На бревна крыши по обычаю киммерийских селений был насыпан толстый

слой земли, что помогало лучшему сохранению тепла во время долгих суровых зим. Летом на ней вырастала густая трава, и Конан по просьбе матери часто затаскивал одну из двух коз, чтобы те могли вволю пастись, не отходя от дома. Сейчас трава уже пожухла и была мокрой от выпавшей ледяной росы. Несмотря на сырость, мальчик растянулся на спине, подложив ладони под голову. Немалое преимущество крыши состояло в том, что заметить снизу лежащего на ней было невозможно. Это качество неоценимо, когда требуется побыть одному, а уходить далеко от дома лень или просто не хочется…

Подставив лицо игольчатому свету осенних звезд, Конан принялся размышлять. Прежде всего, кто он есть такой, этот самый старик Буно? Знаменитый воин? Нет! Удачливый охотник? Как бы не так!

Тогда отчего он пользуется среди жителей селения таким уважением? Неужели только из-за того, что умеет выхаживать младенцев, лечить коз и пришептывать кровоточащие раны?.. Не маловато ли этого для того, чтобы голос его в общих сходках мужчин имел такой же вес, что и у старого Меттинга и у других, израненных во многих битвах, достойных стариков? Кто он такой, Кром его разорви, на самом деле?!

Конану вспомнился взгляд, которым колдун одарил его недавно: острый и белый, как раскаленная на огне игла. Ему пришло на ум, что и прежде он не раз замечал особенную силу этого взгляда. Скажем, однажды Конан с другими мальчишками играли в битву с рыжими ванирами вблизи от хижины Буно, и так орали, что тряслась листва на деревьях, и с веток взмывали испуганные птицы. Старик вышел из дверей и молча посмотрел на мальчиков, одного за другим. Он не кричал, не ругался, не произнес ни слова, он просто переводил свои маленькие выцветшие глаза с одного мальчишечьего лица на другое, и все они почему-то притихли. И он, Конан, тоже утих, хотя до этого вопил и носился больше всех…

Может быть, глаза старика так же действуют и на взрослых? Может быть, собираясь, чтобы принять важное решение, мужчины спорят и ругаются до тех пор, пока Буно не обводит взглядом из-под выцветших бровей всех по очереди, и они послушно стихают, перестают горячиться и соглашаются с тем, что предлагает зловещий старик?.. Интересная мысль!

Вот только как бы это проверить?

Спина закоченела окончательно, и мальчик поднялся на ноги. Дойдя до края крыши, он спрыгнул в темноту и несколько раз пробежался вокруг дома, чтобы согреться. Как бы то ни было, он объявляет белоглазому старикашке войну!

Прежде всего, нужно вернуться в то кладбищенское подземелье, снова пролезть в расщелину между камней — как ни противно это занятие — и встретиться с Кевином. Ведь он не успел тогда рассказать, что именно сделал с ним Буно, вытащив из свежей могилы, и, главное, — зачем. Но сын кузнеца Ниала не глуп, и теперь он отправится туда только в то время, когда будет наверняка знать, что Буно остался в селении. Только как это сделать, чтобы наверняка, совсем наверняка?..

Видимо, придется следить за стариком. Не сводить с него пристального взгляда, насколько это, конечно, возможно, не внушая никому подозрений.

Приняв такое решение, Конан отправился спать. Звуки песен, хлопки в ладоши и топот еще доносились со стороны большого огня, но становились все слабее, все разобщеннее.

Праздник Крадущейся Рыси стихал. Только молодежь, разгоряченная, хмельная и буйная, сбившись в свою кучку, собиралась куролесить до рассвета.

Конан уже не слышал ничего и не завидовал никому, провалившись в глубокий сон без сновидений…

* * *

Уже на третий день осторожной и пристальной слежки за стариком судьба подбросила мальчику благоприятный случай.

Толстой Метью вздумалось рожать. Конан не очень понимал, зачем она это делает: и без того в ее с мужем хижине негде протолкнуться от мальчишек и девчонок разного возраста, но Метью так решила, и Конану это было на руку. Он знал по опыту, что вывести нового человека на свет — занятие долгое и муторное. Порой это занимает полдня, а иногда и целый день. Значит, старик Буно будет топтаться в хижине Метью и обкуривать ее жженым рогом белоснежного оленя, и греметь браслетами из желтых и зеленых камней, и уговаривать злых духов не мешать красному и сморщенному младенцу занять свое место среди живых. И он не покинет Метью до тех пор, пока не раздастся писк новоявленного киммерийца или киммерийки.

Повесив на пояс свой самодельный нож, Конан осторожно выскользнул из дома. Он старался не попадаться на глаза матери, чтобы не пришлось ей врать, и ему это удалось. Дорога была хорошо знакома, веселая злоба, словно попутный ветер, подгоняла его шаги. Совсем скоро мальчик миновал кладбищенские камни и остановился у подножья скалы, видом своим напоминающей скорченного старика. Старика Буно, кого же еще!

Проверив, с ним ли его оружие, Конан протиснулся в расщелину и, покачавшись немного на руках, спрыгнул. Вот так! Он опять грохнулся на знакомую круглую спину!

Лежбище тут у него, что ли? Впрочем, это к лучшему: надкрылья жука все-таки мягче, чем голые камни… Как и в первый раз, почувствовав толчок и тяжесть, жук медленно пополз по проходу в земляной толще. Конан устроился на нем поудобнее, скрестив ноги. Теперь его медлительный тяжеловоз уже не казался мальчику страшным, но в чем-то даже симпатичным. Возможно, симпатия эта происходила из-за того, что жук был с ним — вернее, под ним — в самые напряженные моменты его прошлого визита под землю. Больше того, именно благодаря его мощной глыбе-спине Кевин тогда замешкался, и Конан успел ускользнуть от предательских крепких рук. Подумав, мальчик решил пощадить и не убивать выручившего его подземного зверя, конечно, если зверь не нападет первым.

Жук повернул за угол, и из мрака выплыли оранжевые лохматые пятна факелов. Вот и голые по пояс, мерно взмахивающие железом тела погибших воинов…

— Кевин! — позвал мальчик, вглядываясь в дымный сумрак. — Это я, Конан! Я пришел опять! Я хочу поговорить с тобой.

Кевин отделился от работающих и подошел к нему.

— Зачем ты пришел, Конан? — спросил он без всякого выражения. — Я же велел тебе не появляться здесь больше. Ты погибнешь. Буно уничтожит тебя. Он убьет тебя, как только увидит.

— Буно не увидит! — отмахнулся мальчик. — Буно трясется и завывает сейчас в хижине толстой Метью, которой вздумалось рожать в пятнадцатый раз! Я ведь не безмозглый дурак, чтобы встречаться здесь с колдуном.

Конан постучал кулаком по спине жука, показывая, что голова его не настолько гулкая и

толстолобая. Заодно он вспомнил, на ком сидит, и не спеша сполз с металлически блестящего бугра, хлопнув по нему ладонью, словно по крупу лошади. Жук медленно пополз дальше, уже без всадника. Шесть его ног, каждая величиной с ногу теленка, поблескивали в свете факелов медно-золотистой шерстью. Полированный рог высился между глаз гордо и грозно.

Кевин посторонился, пропуская его, без малейшего страха или удивления, как если бы это была собака или коза.

— И много у вас здесь таких? — кивнув на жука, с любопытством спросил Конан.

— Я видел только одного. О других не знаю, — ответил Кевин и вновь заладил с монотонной настойчивостью: — Уходи, Конан. Буно может появиться в любой момент. Он приходит внезапно. Уходи. Буно погубит тебя.

— Я уйду! — весело пообещал мальчик. — Я уйду, как только выясню, что здесь у вас происходит. Как только пойму, почему ты и все остальные, — он кивнул на потные фигуры, долбящие камень, — не лежите в могилах, куда вас положили полгода назад, а роетесь зачем-то в земле. Еще я очень хочу выяснить, отчего ты схватил меня тогда, Кевин, отчего послушался жалкого старикашку? Разве ты не был моим другом, когда был жив? Разве ты не вытащил меня позапрошлой зимой из когтей рыси, а она разорвала тебе грудь и живот и ты едва не умер?.. Разве мы не выручали друг друга сотни раз?..

Любой другой юноша от таких упреков вспыхнул бы от стыда или хотя бы побледнел, но Кевин не изменился в лице. Видимо, стыд он потерял вместе с жизнью.

— Мы не лежим в могилах, потому что Буно вытащил нас оттуда, — ответил он. — Мы не просили его об этом. Он вытащил нас почти сразу. Потом оживил. Теперь мы работаем на него. Ищем в земле, а затем шлифуем драгоценные камни.

— Но зачем?! — поразился мальчик. — Буно оживил вас, и прекрасно! Скажите ему «спасибо», плюньте в его белые глазки и возвращайтесь домой! Как обрадуются все наши! Гэлла с ума сойдет от радости, Кевин!

— Мы не можем, — тускло отозвался Кевин. — Он оживил нас. Но не до конца. Он что-то сделал с нами. Теперь мы все время должны работать на него. Как рабы. Мы не можем уйти.

В полусумраке подземелья невозможно было рассмотреть выражение его глаз, но Конану показалось, что зрачки бывшего друга покрыты не то пленкой, не то земляной пылью.

— И что же такое он с вами сделал? — спросил мальчик со всей доступной ему иронией. — Связал ноги?.. Подрезал сухожилия под коленями?.. Ударил железом по голове? Отчего вы не можете плюнуть ему под веки и уйти?!

— Я не знаю, не знаю, не знаю, — Кевин тоскливо оглянулся на других мужчин, которые продолжали работать, словно приход Конана был вполне обыденным делом и не стоил внимания. — Если хочешь, поговори с моим отцом. Он расскажет лучше, чем я.

— С твоим отцом? — переспросил Конан. — А разве он здесь? Что-то я его не видел в прошлый раз!

— В прошлый раз он был глубоко под землей. Искал новые залежи изумрудов. Сейчас он здесь. Поговори с ним. Если ты его не испугаешься.

— Я испугаюсь дядю Шедда? — опешил мальчик. — Ты совсем свихнулся здесь, под землей. Зови его скорее! Я будут страшно рад увидеться с дядей Шеддом. Надеюсь, он-то остался нормальным человеком, а не превратился в вяленую рыбу, как ты и все остальные!

Кевин отошел от него и направился в глубь подземного хода, негромко окликая отца. Конан нетерпеливо переступил с ноги на ногу. Сейчас он увидится со славным Шеддом, старшим братом матери, шутником и балагуром, с чьими ласковыми руками, солеными прибаутками и смеющимися глазами было связано все его детство. С тех пор, как пять лет назад в битве с ванирами погиб кузнец Ниал, Шедд во многом заменил отца мальчику. Он играл с ним, наставлял и учил не меньше, чем собственного сына, который был старше Конана на четыре года, и их хижина, кособокая и неказистая, оттого, что лентяю и весельчаку Шедду всегда было некогда приложить к ней руки, стала для него вторым домом. Когда этой весной Конан долбил мерзлую землю, кривясь отчего-то, перехватывающего ему гортань, не меньше, чем потеря друга и брата, давила его мысль, что дядя Шедд никогда больше не усмехнется ему, не шлепнет ласково по затылку, не рассмешит бесхитростной шуткой…

Кевин же возвращался, уныло, по-стариковски, переставляя ступни. Конан попытался разглядеть за его спиной фигуру дяди, но ничего не видел. Неужели он не отыскал его в темноте?.. Жаль! Не доходя до мальчика трех шагов, Кевин сделал шаг вправо и посторонился. Из-за его спины на колеблющийся свет прикрепленного к стене факела выползло что-то очень странное, очень страшное…

В первый момент Конану показалось, что за Кевином ползет огромная змея, и он открыл, было, рот, чтобы криком предупредить об опасности. Но тут же закрыл с громким и звонким стуком. У змеи была человеческая голова! И не просто человеческая — блики факела плясали на напряженно скривившемся, смотрящем на мальчика с мукой и болью лицо дяди Шедда…

— О, Кром!.. — прошептал Конан, нащупывая за спиной пустоту, чтобы в случае чего развернуться и стремительно унестись прочь. — Кто… кто это?..

— Это мой отец, — бесстрастно ответил Кевин. — Это Шедд. На него трудно смотреть. Не бойся. Он не причинит тебе зла.

Справившись с острым потрясением, Конан разглядел, что существо с головой Шедда только в первый момент могло напомнить змею. Гораздо больше его гибкое туловище, толщиной с торс семилетнего мальчика, напоминало тело дождевого червя. Оно было покрыто толстой и блестящей малиновой кожей, перевито мощными кольцами мускулов, по которым перекатывались волны растяжений и сокращений, толчками передвигавшие его вперед. Ни рук, ни ног не было. Гигантский червь с головой человека — с головой родного и близкого человека — смотрел на мальчика, страдальчески усмехаясь и помаргивая от копоти факелов. Шею его, точнее, то место, где голова человека переходила в туловище червя, охватывало красивое ожерелье из продолговатых прозрачных камней.

— Это ты… Шедд?.. — тихо спросил Конан. Горло его враз пересохло, и язык шелестел, как сухой листок. — Это… он сделал с тобой? Это… работа Буно?..

— Да, — с усилием выговорил тот, кого звали когда-то балагуром-Шеддом, лентяем-Шеддом, Шеддом-шутником… — Будь проклята душа и тело этого колдуна. Он вынул меня из могилы, залечил раны, вдохнул жизнь каким-то одному ему известным способом, а затем… затем превратил в то, что ты видишь перед собой.

Как ни странно, голос Шедда почти не изменился. Да и глаза его были совсем живыми, совсем человеческими. Разве что смотрели они с такой болью и горечью, какие трудно вместить человеческой грудной клетке…

— Я убью его, — прошептал мальчик. — Я клянусь тебе, что убью его!

— Не клянись, Конан, не надо, — Шедд покачал головой, отчего ожерелье под его подбородком заиграло синими и алыми искрами. — Кром презирает клятвопреступников. Сдержать же клятву ты не сможешь: даже взрослому мужчине не справиться с Буно, владеющим тайным и темным знанием. Тем более тебе, мальчишке.

— И все-таки я клянусь! — повторил Конан. — Я могу крикнуть это очень громко, чтобы Кром расслышал. Я убью колдуна Буно!

— Тише, тише! — Шедд опасливо огляделся по сторонам. — Зря я, старый дурак, выполз тебе на глаза, но Кевин сказал мне, что ты не успокоишься до тех пор, пока не узнаешь правду. Теперь ты узнаешь ее. Слушай, боюсь, что твое любопытство на твою же беду.

— Не бойся! — кивнул ему Конан. — Я тебя слушаю.

— Наши души уже унеслись на Серые Равнины, а израненные тела лежали в могилах, — начал свой рассказ Шедд, — когда Буно откапал нас и оживил, залечив смертельные раны. Ему нужны были рабы, много рабов, чтобы добывать драгоценные камни, а затем шлифовать их. Но ему нужны было покорные и безголосые рабы. Поэтому он сделал что-то такое с душой каждого из оживших… Не знаю, как объяснить тебе, поскольку сам мало что понимаю в этом. Короче, он захватил в плен искры жизни, которые делают человека человеком. Ты, наверное, заметил, что Кевин и его друзья никогда не улыбаются, не кричат, не спорят?..

Конан молча кивнул.

— Они никогда теперь не посмеют ослушаться Буно, не посмеют взбунтоваться. Каждое его слово, каждый взмах пальца для них — безусловный приказ. Изнурительная работа под землей без сна и отдыха, да скудная еда — вот вся их здешняя жизнь, Конан.

— Ты говоришь — «их»! — перебил мальчик. — Значит, к тебе самому это не относится?

Шедд помолчал. Короткие судороги — либо крупная дрожь — пробегала по его ужасному длинному телу.

— Да, — наконец произнес он. — Моей искры жизни Буно не тронул. Я нужен ему, чтобы находить новые залежи опалов, сапфиров и топазов, новые глыбы лабрадора. Для поисков глубоко под землей необходима отвага. Необходим острый ум и чутье на опасность. Те, кто лишены искры жизни, не имеют и этих человеческих качеств. Душу мою колдун не тронул, но зато… сам видишь, во что он превратил мое тело. Он сотворил со мной это мерзкое дело, чтобы я мог проникать в самые узкие расщелины, чтобы я передвигался в толще земли так же легко, как люди ходят по ее поверхности. С таким помощником, как я, Буно в скором времени разыщет все необходимые ему камни.

— С таким помощником, так ты… — медленно повторил мальчик. И тут же взорвался: — Значит, ты согласился помогать этому злобному колдуну?! Ты послушно выискиваешь ему в земле опалы и изумруды?.. И это после того, что он сделал с ними… с тобой… Да ты…

От возмущения Конан поперхнулся словами. Он перебирал в уме самые обидные и унижающие ругательства, и все они казались ему слишком слабыми.

— Подожди, Конан. Подожди, мальчик мой. — Шедд опять усмехнулся, криво и мучительно. Горячая тоска плескалась в его глазах, и Конан притих. — Неужели ты думаешь, что я согласился помогать ему по своей воле? Неужели ты мог решить, что старый Шедд струсил?.. Плохо же ты помнишь меня, мой мальчик… Наверное, ты и Маев никогда не вспоминали меня с тех пор, как ваниры изрубили мое тело… как только я очнулся и увидел,

во что он превратил меня, как только подлый колдун сказал, чего он от меня ожидает, я… я плюнул ему в лицо и расхохотался. Я расхохотался, Конан, хотя шея моя невыносимо болела, хотя я должен был зажмуриваться изо всех сил, чтобы не взглянуть ненароком на новое свое тело, потому что смотреть на него я не мог. Я и сейчас еще не могу на себя смотреть, я боюсь подползать к бочкам с водой и подземным озерам, хотя прошло целых полгода… Я сказал Буно, что убью себя. А если он опять оживит меня своими черными заклинаниями, я убью себя снова. Опять и опять я буду ускользать от него в мир Серых Равнин, и он устанет, в конце концов, тратить силы и чары на мое оживление!

— Ты правильно сказал! — горячо поддержал его мальчик. — Только прежде, чем убивать себя, тебе нужно было бы придушить эту гадину!

— Но Буно только усмехнулся, — продолжал Шедд с глубокой горечью. — «Прекрасно, — сказал он. — Не хочешь — не надо. Я отниму твою искру жизни, и ты станешь таким же послушным рабом, как и все остальные. Лишенные искры жизни никогда не покончат с собой, никогда не посмеют ослушаться своего хозяина, даже в самом малом. Но мне нужно, чтобы один из вас не боялся проникать вглубь земли и открывать все новые и новые драгоценные россыпи. Мне нужно, чтобы один из вас, только один, обладал полноценной человеческой душой. Раз этого не хочешь ты, Шедд, таким будет твой сын Кевин. Это даже лучше: ведь он молод и крепок, и более вынослив, чем ты. Завтра же он превратится в такое же точно чудовище, каков ты сейчас».

— Проклятый старик! — выдохнул мальчик. — Нет, я не просто убью его, я… я…

— Подожди, не горячись, Конан. Вспомни, что Кром презирает клятвопреступников… Я согласился помогать Буно, потому что видеть своего сына таким… — Шедд запнулся, словно что-то перехватило его дыхание. Камни на его шее разгорелись жарче. — Есть вещи, непосильные для человеческого рассудка. Если бы то был не мой сын, а ты, Конан, я не вынес бы этого точно так же… К тому же старик клятвенно обещал мне, что мы будем работать на него только три года. За это время он сумеет отыскать все необходимые ему камни и обретет то ли бессмертие, то ли власть над всем миром, точно не знаю… Полгода уже прошло. Через два с половиной года Буно отпустит меня на Серые Равнины, куда так рвется моя растоптанная душа. Может быть, и раньше. Сыну же моему и его товарищам он вернет жизнь. Настоящую жизнь!

— Он обманет тебя! — хмуро возразил мальчик. — Он отправит их на Серые Равнины тоже. Зачем ему люди, которые будут знать о его злодействе и колдовстве?..

— Может быть, ты и прав, — согласился Шедд. — Но ведь и Серые Равнины неизмеримо лучше той участи, какая у них сейчас.

Конан о чем-то сосредоточенно размышлял. Мальчишеское лицо подергивалось от нетерпеливой досады.

— Но ты говоришь, что можешь свободно передвигаться в толще земли! — осенило его. — Значит, ты можешь выползать наружу! Ты можешь вернуться домой и рассказать всем о колдуне Буно. И тогда мужчины убьют его! Они повесят его вниз головой на дереве, потом проткнут его копьями, потом сожгут на костре, потом…

Шедд грустно и обречено покачал головой.

— Никакая сила не заставит меня выползти наружу, Конан. Зачем? Чтобы до смерти испугать мою жену, мою дочку, всех маленьких детей в деревне?.. Если моя жена и не умрет от ужаса, то проклянет за то, что я посмел показаться им в таком виде. И будет права. Ты мальчик, ты будущий воин, Конан, но даже на твои глаза я решился выползти только после

долгих уговоров Кевина

— Ну ладно, ладно! — в отчаянии взмахнул рукой мальчик. — Не показывайся на глаза женщинам. Покажись только старому Меттингу. Он не поверил мне, когда я рассказал ему о Буно и о вас. Тебе же он не сможет не поверить, иначе ему пришлось бы вырвать себе глаза! Пойдем со мной, Шедд! Пойдем прямо сейчас! — Он качнулся было вперед и хотел схватить дядю за руку, чтобы потащить за собой к выходу, но тут же сообразил, что рук у него нет. К тому же прикоснуться к малиновому, блестящему и подрагивающему телу он вряд ли смог бы себя заставить.

Заметив невольное отвращение, которое все еще внушал мальчику его вид, Шедд усмехнулся горько и понимающе, и отполз немного назад, чтобы большая часть его тела оказалась в тени.

— Есть еще одна причина, Конан, почему я не выйду на свет и не окажусь никому, даже старине Меттингу. Если ваши мужчины убьют Буно, — а я в этом сильно сомневаюсь, потому что он способен на такое, что простой человек и представить себе не может — если его все-таки убьют, сожгут или пронзят стрелами, Кевин и другие молодые воины навечно останутся полулюдьми. Ведь никто не знает, где прячет Буно отобранные у них искры жизни. Да и что такое сами эти искры, как они выглядят — не знает никто. Буно не расскажет об этом даже под пытками.

— Ну, уж под пытками-то расскажет! — сверкнув глазами, ожесточенно воскликнул мальчик.

— Ты не знаешь, Конан, как много могут его блестящие камушки. Недаром он увешивает себя ими с головы до ног. Они могут сделать так, что он не почувствует боли и будет смеяться под пытками, словно его щекочут перьями петуха. Они могут сделать так, что кожа его будет прочнее черепашьего панциря… Он не расскажет. Кевин и его друзья останутся рабами, теперь уже рабами мертвого колдуна. Они по-прежнему будут долить породу, выискивая блестящие камушки, и затем шлифовать их ночами — долгие-долгие годы… Я не хочу этого, Конан. Ведь Кевин — мой сын!

— И мой брат, между прочим, — буркнул Конан. — И мой друг. Хотя он и вцепился в меня тогда по приказ колдуна, как охотничий пес в росомаху. Но я его прощаю, раз у него нет этой самой… искры…

— Заклинаю тебя, Конан, не пытайся бороться с Буно, — молящим голосом воскликнул Шедд, медленно отползая от него назад о узкому проходу. Голова его опустилась совсем низко, бородой подметая серую каменную пыль. Он не смотрел в глаза мальчику и говорил еле слышно. — Заклинаю тебя: забудь обо всем, что здесь видел, забудь тропинку к этому месту и никому о нем не говори. Ты рассказал Меттингу, и он не поверил, это очень хорошо. Не говори же никому больше. Уходи, Конан. Я чувствую, что здесь скоро появится наш хозяин. Я слышу его появление за много шагов — кажется, стены начинают дрожать и камни осыпаться сильнее, когда он касается их своим нелюдским взором… Спеши же, Конан! Ты можешь не успеть и погибнуть.

Мальчик заколебался. Конечно, он с радостью унес бы ноги из этого мрачного подземелья, полного черного колдовства и искалеченных полулюдей. Но его не удовлетворило окончание разговора с Шеддом. Забыть обо всем? Никому не рассказывать? Но ведь это значит, что колдун по-прежнему будет одним из самых уважаемых людей в селении, будет звенеть по праздникам чужими охотничьими трофеями, будет прожигать Конана ненавидящими глазами… Если бы только прожигать! Конан ничуть не сомневался,

что старик поставил себе цель уничтожить мальчика, проникшего в его тайну. Или еще хуже: превратить его в такое же немыслимое чудовище, каким стал павший славной смертью беспечный весельчак Шедд…

— Хорошо, хорошо — крикнул мальчик почти уже не различимому во тьме Шедду. — У Кевина нет искры, у тебя не мужества, но у меня есть и то и другое! Хвала Крому, я пока что не раб и не мертвец! Я сдержу свою клятву. Этот старый паук, эта грязная вошь еще будет умолять меня…

Он не договорил. Как и в прошлое появление его здесь, в конце прохода возникла знакомая согбенная фигура. Видимо, Метью разродилась довольно быстро — ну еще бы, в пятнадцатый-то раз! — и старик поспешил в свое подземелье.

Он даже не переоделся и был в том же наряде, обвешанном камнями, перьями и костями животных, в котором обычно совершал свои целительные и заклинательные действия.

— Старый паук? — перепросил он и тоненько захихикал. — Грязная вошь?.. Вот как ты заговорил, мой мальчик!.. Но это последний раз, когда ты отзываешься обо мне непочтительно. Скоро ты заговоришь иные слова…

Конан увидел, как за спиной старика выросли его молчаливые рабы — и Кевин в том числе. Видимо, Буно уже отдал им приказ схватить мальчишку, и они, обойдя хозяина, двинулись в его сторону, бесстрастно тесня друг друга плечами в узком проходе, словно медленная лава, перехлестнувшая через жерло вулкана.

Конан почти не испугался. Он знал, что сумеет выбраться так же, как и в прошлый раз. Мальчик осторожно отступал назад, не сводя взгляда с насупленных и целеустремленных полулюдей с такими знакомыми и симпатичными лицами… Вот и поворот. Теперь осталось сделать лишь несколько шагов, и заголубеет небесная прореха над головой.

Но… где же она?! Тьма, полная тьма окружала его со всех сторон.

— Ага! — злорадно зашелся смехом невидимый за поворотом старик. — Попался, как крыса в ловушку! Ищешь свой выход? Ищи, ищи — нет его! Я завалил его камнем!

Чувствуя себя и впрямь загнанным в дальний угол норы зверем, которого атакуют мускулистые и сытые собаки, Конан, однако, продолжал двигаться назад, ощупывая руками стены.

Главное — точно определить место, где он спрыгнул вниз, прямо на выпуклую спину жука. Может быть, жук опять лежит здесь, ведь то любимое его место?.. Хвала Крому! Икры мальчика коснулись чего-то жестко-мохнатого, а ладонь легла на гладкий кожаный щит. Этот лентяй дремлет на прежнем месте! Содрогнувшись от мгновенной мысли, что загнутый рог величиной с ладонь проскользнет под его животом, Конан одним махом вскочил на спину насекомого, оттолкнулся от нее пятками и стал карабкаться вверх.

Ладонями и коленями он упирался в шершавые своды расщелины, а голову втянул в плечи, чтобы ненароком не расшибить темя о камень.

Злорадные и понукающие вопли Буно внезапно сменились проклятьями. От грязных ругательств, казалось, заколебались своды. «Ах ты, ничтожный земляной червь!», «Ползучая гадина, погоди же!» По колориту ругательств нетрудно было догадаться, что гнев старика направлен на Шедда. Как ни было ужасно его положение, Конан на миг приостановился и рассмеялся. Вот интересно было бы взглянуть на них сейчас!

Как может бороться Шедд, не имея ни рук, ни ног, но одно лишь туловище и крепкие зубы?.. Наверное, он овился вокруг ног колдуна, подобно гигантской змее, и тот, худой и

тщедушный, дергается и кудахчет, как схваченная хозяйкой курица…

Макушка его, наконец, уперлась в камень. Конан изо всех сил напряг ладони, шею и плечи, но обломок скалы не желал поддаваться. Он надавливал снова и снова, обдирая кожу на темени о жесткий гранит… Ругань старика становилась все громче и отчетливей. Судя по всему, несмотря на отчаянные усилия Шедда, преследователи приближались. Вот уже дымное пламя факела заплясало прямо под ступнями Конана, напряженно упирающимся в каменные выступы. Факел держит крепкая мужская рука, запрокинутое вверх лицо так знакомо… Хвала Крому, это не Кевин!

Сангур. Правда, и ему в прежние времени он не делал ничего плохого. Наоборот, всегда восхищался его меткостью и быстротой ног… Ярко-голубые, похожие на цветы, которые вырастают весной высоко в горах, глаза молодого воина, казалось, превратились в хорошо отшлифованные камушки. Красивые, прозрачные и пустые…

Ступни Конана уже начало припекать языками огня, вздымающимся все выше. Он предпринял еще одно отчаянное усилие, зажмурившись и напрягая шею, невзирая на страшную давящую боль в макушке. Казалось, бедная его голова сейчас расколется, как лесной орех… Хвала Крому, грозному и равнодушному! — камень, наконец, поддался. Подтянувшись на руках, Конан мгновенно протиснулся в образовавшуюся щель и вылез наружу.

— Эй! Старый паук! — крикнул он, наклонившись в зловещий мрак. — Уже второй раз ты остаешься в дураках! Хорошо бы ты лопнул сейчас и залепил своими зловонными внутренностями все свои норы!

— Я уничтожу тебя, ничтожный мальчишка! — донеслось из-под земли. — Ты доиграешься — и очень скоро! Очень скоро ты будешь ползать у меня в ногах и слизывать пыль с моей обуви, умоляя тебя простить!..

Конан расхохотался и бросил в расщелину горсть камней. Правда, он тут же пожалел об этом: камни посыпятся на Сангура с отшлифованными глазами, а вовсе не на голову проклятого колдуна.

* * *

На этот раз Конан возвращался в селение спокойно и неторопливо. К чему спешить? Вряд ли Буно выползет из своего подземелья и бросится за ним вдогонку. А если и бросится — что ему стоит справиться с щуплым стариком? Даже лучше было бы принять с ним бой здесь, один на один, а не вздрагивать каждый раз от прикосновения раскаленных до белизны глазок. Но колдун не вступит в открытую битву, нет, — он будет жалить исподтишка, словно затаившаяся в высокой траве гадюка…

Мальчик шел медленно еще и для того, чтобы привести в порядок возбужденные мысли и решить, что ему делать теперь.

Забыть, махнуть рукой, как заклинал его Шедд?.. Если б он и хотел забыть, налитые ядом глазки колдуна будут напоминать ежедневно… еще раз поговорить с Меттингом? Он скажет, что Конан клевещет и оскорбляет теперь уже своего дядю, павшего славной смертью на поле битвы… Рассказать еще кому-нибудь? Поверить во все это черное колдовство смогут разве что мальчишки младше его возрастом. Да и то лишь потому, что попробовали бы они не поверить! Кулаки Конана тут же показали бы им, кто врет, а кто говорит правду. Но какой

с них прок, с малолеток? Если бы Кевин был живой, он бы ему поверил. Они верили друг другу всегда, с полуслова, полувзгляда. Вдвоем они обязательно что-нибудь придумали бы! Кевин, Кевин… и зачем он отдал эту свою искру, не мог вцепиться в нее покрепче и не уступать старику!..

Конан принимал решения очень быстро. Долго раздумывать, взвешивать и колебаться было не в его характере. Приняв же решение, он так же незамедлительно претворял его в жизнь.

Колдуна Буно нельзя убивать до тех пор, пока неизвестно, где он прячет подло отобранные им искры?.. Чудесно! Значит, надо найти эти самые искры — и как можно скорее. Лучше всего сегодня ночью.

План действий созрел в голове Конана молниеносно. Правда, ему был необходим союзник. Немного поколебавшись, он избрал для этой роли семилетнего Пэди, мальчишку, жившего по соседству с их домом. Пэди всегда заглядывал старшему приятелю в рот, гордился крохами покровительственной дружбы, которой тот удостаивал его изредка, и любое его повеление выполнил бы беспрекословно. Как только стемнело, Конан выманил мальчика из дома и долго внушал ему что-то горячим шепотом. Роль, которую он отвел Пэди, была нетрудной, но для надежности он повторил все несколько раз, строго упираясь взглядом в преданные, вытаращенные от напряжения глаза мальчишки. Когда Пэди, задыхаясь от важности возложенного на него поручения, клятвенно пообещал выполнить все в точности, не спрашивая, как и подобает младшему по возрасту, для чего это нужно, Конан отпустил его. На прощанье он небрежно посулил ему в случае удачи подарить свой новенький колчан для стрел и тростниковую свистульку, отчего глаза его маленького приятеля вспыхнули еще преданней и взволнованней.

Спустя недолгое время, когда все вокруг стихло и селение погрузилось в безмятежный сон, из соседнего дома раздались пронзительные детские крики. Их не заглушали даже толстые бревенчатые стены и крыша с плотным слоем земли.

Пэди трудился на славу. Он орал и катался по своему ложу так, словно внутри у него грызлись между собой большие крысы. Испуганная мать с трудом разобрала сквозь вой и рыдания, что у него болит живот, и не просто болит, а режет, горит и щиплет так, что терпеть нет никакой возможности. Обеспокоенная женщина попробовала было положить ему на живот лед из погреба, затем пыталась тихонько его поглаживать, уговаривать, заговаривать боль, но мальчик не унимался. Наоборот, он стал биться и подскакивать на тощем тюфяке, как поджариваемая живьем рыба. Разбуженный и раздраженный отец велел, наконец, жене идти за знахарем, пока мальчонка совсем не выпустил душу из корчащегося тела. Набросив на плечи накидку, мать кинулась к хижине Буно.

Как только женщина выбежала из калитки, Конан, наблюдавший за всем, что творилось у соседей, от своей изгороди, прошмыгнул к ним в дверь, изображая разбуженного среди ночи и встревоженного приятеля.

— Так и ори! — шепнул он, склонившись над мальчиком. — И не вздумай умолкнуть до тех пор, пока я не вернусь и не свистну три раза под окошком.

Он незаметно ущипнул его повыше пупка, да так сильно, что бедный ребенок взвыл еще громче, и уже неподдельные слезы горошинами покатились из зажмуренных глаз.

Выскочив во двор, Конан затаился за густой порослью можжевельника в пяти шагах от калитки. Вскоре мимо него быстрыми шагами пронеслась мать Пэди, а следом за ней — хмурый и нервно позевывающий Буно.

— Муж хорошо отплатит… — повторяла, задыхаясь от волнения, женщина. — Так кричит, словно кто-то режет его изнутри… самую лучшую шкуру, какую ты только выберешь… мальчик мой… У нас есть еще прозрачный камень величиной с яблоко, если хочешь — возьми его тоже…

Перед тем как шагнуть в дом, Буно на миг остановился и оглянулся. Конан невольно сжался в комок. Ему показалось, что злобные глаза старика видят в темноте так же хорошо, как и на свету. Ему почудилась настороженная искра под клочковатыми бровями, когда взгляд Буно прошелся вдоль кустов, за которыми затаился мальчик. Он чуть было не отказался от своего плана, но вовремя прикрикнул на себя, пришпорил, как заколебавшегося перед пропастью жеребца, обозвав трусливой девчонкой. Лишь только соседская дверь захлопнулась, Конан ринулся к хижине колдуна, стараясь бежать бесшумно и стремительно, словно тень парящей в небесах птицы.

В киммерийских селениях не знали, что такое дверные замки и засовы, поэтому Конан беспрепятственно проник внутрь довольно просторной и зажиточной хижины и внимательно огляделся. На его счастье было полнолуние, в небольшом окошке маячил хорошо надраенный серебряный щит луны, заливая комнату от земляного пола до потолка нежно-призрачным светом. Мальчик старался действовать как можно быстрее, но без суеты. Искры… искры жизни… Вряд ли старик будет хранить их в мешочках из травы и кожи, которых столь много навешано у него вдоль стен. Искры прожгут любую кожу и вырвутся наружу. Для надежности он все-таки развязал несколько мешочков. Из каждого в нос ему ударил резкий запах — то едкий, вызывающий кашель, то приторный, то тошнотворный. Нет, мешочки лучше не трогать, иначе гадость, хранящаяся там, может лишить его нюха, а то и зрения… Вряд ли также искры будут храниться в деревянном ларце, ведь дуб или сосну они прожгут тоже. На всякий случай он вскрыл и ларец, сковырнув нехитрый замок своим длинным и крепким ножом. Там оказалось что-то совсем непонятное: высушенные и скрюченные, на манер веревки, змеиные шкурки, блестящие надкрылья жуков, хрупкие птичьи кости… Перерыв все, что только мог обнаружить на стенах, на лавках и на полу, мальчик в растерянности остановился.

Его осенила неприятная мысль: а почему бы Буно не хранить присвоенные искры в том же подземелье, где вгрызаются в землю его молчаливые рабы?.. Под землей уж точно надежнее, чем в хижине без замка. Какой же он дурак…

— Клянусь Кромом, я полный дурак! — сокрушенно воскликнул мальчик, забыв об осторожности.

— Вот уж точно: ты полный дурак, да и наглый вор к тому же! — откликнулся ему от дверей хорошо знакомый, вибрирующий от сладкого злорадства голос.

При свете луны со своими пылающими глазами и возбужденно трясущимися конечностями старик совсем мало напоминал человека. Скорее, какой-нибудь болотный демон или пещерный дух, выползший на теплый запах живущих.

— Вор! — закричал Буно, на этот раз уже во весь голос.

Казалось странным, что в хилом и согбенном теле может таиться такой полновесный, колеблющий стены рев. — Эй, люди, просыпайтесь! Сюда! Сюда, скорее! Наглый вор забрался ко мне в дом! Хватайте его!

* * *

Конан знал, что его ожидает. По неписаным киммерийским законам вору, посягнувшему на добро соплеменника — не важно, соблазнился ли он дорогим оружием или облезлой шкурой, — полагалось отрубить при всем народе правую руку, а затем навсегда изгнать из родного селения. На памяти мальчика такое случалось всего лишь раз. Конану было шесть или семь лет, когда взбудораженное, кипящее негодованием селение выгоняло за свои пределы Хоссу, жалкого и худого, вечно голодного из-за своей неприспособленности ни к какому делу человека. Вместо руки у него болтался с правой стороны тела замотанный в кровавые тряпки обрубок. Хосса попытался украсть козу из одного зажиточного двора, но бесславно попался за этим занятием. Когда его поймали, он ползал у ног мужчин, умоляя простить его, выл, перемешивая слезы с землей, кричал, что погибнет от голода… Но старые воины и охотники, вершившие суд, были неумолимы. Воровство у своих соплеменников и трусость на поле боя — два преступления, которые никогда не прощались у суровых горских народов. Сын племени мог уйти в иные края, разбогатеть там путем грабежа и разбоя, и никто по его возвращению не скажет ему или о нем дурного слова. Но стащить у соседа старый меч или продырявленный щит — так же низко, как ударить родного отца или показать врагу на поле битвы свою спину.

Конана заперли в пустой хижине на окраине селения. В той самой, где жил когда-то несчастный Хосса. Она пустовала, так как никто не хотел селиться в доме вора, отравившего своим грязным и презренным дыханием стены и потолок. Мальчик должен был сидеть взаперти, пока старые и авторитетные мужчины, посовещавшись, не решат его участь.

Сбежать оттуда не представлялось никакой возможности, так как два воина с мечами и луками караулили дверь и единственное окошко.

Мальчик лежал на земляном полу, сжавшись в комок и охватив колени руками. Вокруг было пусто. Ни лавок, ни тюфяка, ни даже облезлой шкуры, которую можно было бы подстелить под себя. От нетопленых ветхих стен тянуло сыростью. Снова и снова Конан прокручивал в голове тот миг, неизбежный миг его недалекого будущего, когда резки взмах сурового меча отрубит его правую руку выше локтя. Его живую, теплую, такую сильную и меткую, с древесным узором вен, подрагивающую на запястье от толчков веселой крови, руку… Должно быть, будет больно. Потом мать перевяжет ему обрубок, чтобы он не умер от потери крови. Вряд ли она скажет ему хоть одно ласковое слово на прощание. Нет большего позора для киммерийской женщины, чем родить труса, предателя или вора. Позор свой Маев перенесет молча и мужественно, как носила все прочим страшные удары судьбы… Мать перевяжет его, положит в кожаную сумку хлеб и сыр, и Конан побредет неизвестно куда, одинокий калека. Он будет вымаливать у встречных остатки их обеда, а те будут отталкивать его с насмешками и презрением, ведь кровавый обрубок ясно покажет, что перед ними жалкий воришка… и все это из-за Буно. Из-за колдуна с черной душой и смрадным сердцем, будь он трижды проклят! Да напорется он на рог Нергала, да разорвут его на сорок частей черные псы ваниров, да пронзят его навылет десять стрел надменных аквилонцев!..

Помимо бессильной ненависти к Буно, Конана трясла жестокая обида на Пэди. Неужели он не мог покричать подольше? неужели это так трудно: вопить и подпрыгивать животом вверх на тюфяке?.. и колчан, и свистульку, и свое покровительство и защиту в драках пообещал ему Конан, а он… Пусть только встретится ему сопливый Пэди где-нибудь и когда-нибудь в жизни! Уж он сумеет отплатить за предательство!

Если б Конан мог знать, отчего мальчик перестал кричать раньше времени, ему было бы гораздо легче. Но некому было рассказать ему, то Буно, лишь только взглянул на орущего

ребенка, сразу же догадался о его притворстве. Он влил в распахнутую глотку Пэди изрядную порцию снотворного зелья, и мальчик тут же стих, прикрыл глаза и засопел носом. Важно и торжественно старик сообщил родителям, что злой демон, грызший внутренности ребенка, изгнан им и больше не вернется, и те, обрадованные и благодарные, вручили ему и прозрачный камень величиной с яблоко, и новенькую шкуру росомахи.

«Попадись мне только этот предатель, — с мстительным вдохновением твердил про себя Конан. — Уж я ему задам!.. Уж я отплачу ему! Рука моя устанет гулять по его тощей шее!..

Рука… Какая рука? Левая?.. А хоть бы и левая!» — яростно перебил он сам себя. Не будет он нищим попрошайкой, он, Конан, сын кузнеца Ниала! Нет. Он научится владеть мечом левой рукой не хуже, чем правой. Он будет разить врагов без промаха и без устали. Станет знаменитым воином, грозой ваниров и аквилонцев. Слава о нем побежит впереди него, как глупая и восторженная собачонка. Он вернется в родные места, израненный и немногословный, и Меттинг выйдет ему навстречу и введет в круг самых достойных и уважаемых воинов. А Буно… О, только бы старый колдун не умер своей смертью к тому времени! Только бы он дождался его мести!..

Яростно-сладкие мечты Конана прервал звук открывающейся двери. Он приподнялся и посмотрел на вошедшего взглядом брошенного в клетку волчонка. Навстречу ему коротко и сочувственно засветились серые глаза Гэллы.

— Чего тебе? — буркнул Конан.

— Я принесла тебе лепешки и молоко, — девушка пододвинула к нему глиняный кувшин и завернутые в листья лопуха теплые лепешки. — Старый Меттинг велел мне сделать это. Мужчины совещаются с утра, но они все еще не решили, какое наказание нужно тебе вынести.

Лицо Гэллы с заостренным подбородком и бледными губами было печальным и слегка напоминало мордочку симпатичной летучей мыши. Не хватало только больших мягких ушей и перепончатых крыльев за плечами. Гладко зачесанные назад темные волосы подчеркивали бледность лба и щек. Она часто моргала, как делала всегда, когда грустила или волновалась.

Трепет тяжело нависающих над глазами ресниц напомнил мальчику коричневую бахрому крыльев ночной бабочки.

Конан отпил глоток из кувшина и скривился, словно молоко было прокисшим. Лепешки он даже не развернул, но лишь презрительно щелкнул по лопуху пальцами.

— И что им там долго обсуждать? — усмехнулся он. — Наверное, они никак не могут договориться кто из них будет рубить мне руку. Каждый кричит: «Я! Я! Я это сделаю!»

— Вовсе нет, — покачала головой Гэлла. — Они спорят не из-за этого. Меттинг уговаривает их не рубить тебе руку и не изгонять из селения. Ты ведь знаешь, как уважают все старого Меттинга. Обычно все всегда поступают так, как предлагает он. Когда он велел мне отнести тебе молоко и лепешки, он тихонько шепнул мне: скажи ему, пусть он не унывает раньше времени. Я попытаюсь спасти ему руку для будущих славных дел!

Надежда вспыхнула было в сердце мальчика, но тут же погасла.

— Он не сумеет уговорить их! — угрюмо возразил он. — Старика Буно уважают не меньше, а уж он-то постарается, чтобы меня наказали по всей строгости и вышвырнули прочь.

— И все-таки не отчаивайся! — участливо попросила Гэлла.

Она неожиданно нагнула его голову к себе и коснулась губами вороных волос на

макушке. Конан, пробурчав что-то нечленораздельное, вырвался и отполз прочь. Теплые девчоночьи руки смутно взволновали и рассердили его.

Конан вспомнил, что Гэлла уже обнимала его однажды. Это было, когда закоченевшее тело Кевина опускали в такую же стылую и мертвую, что и он, яму в земле. Гэлла, стоявшая рядом, вдруг обняла его, и слезы ее прожгли ему шею. Тогда он не сразу вырвался из ее рук, а чуть помедлив, хотя ему и было мучительно стыдно, что девчонка обнимает его, да еще на виду у всех.

«Кевин… Кевин… — повторяла она распухшими от плача, непослушными губами. — О Конан, неужели он… навсегда… Ему холодно… Отчего они не постелят шкуры на дно… и не укроют его сверху?..» Ни для кого не было секретом, что Кевин и Гэлла договорились между собой пожениться сразу же после того, как Кевин испытает себя в настоящей битве. И Кевин испытал. Он выдержал испытание, как подобает мужчине, но вместо свадебного пира его ждало пиршество могильных червей…

— Послушай, Гэлла, — тихо сказал мальчик, охваченный порывом доверия. — Клянешься никому не говорить того, что я скажу тебя сейчас?

— Клянусь Кромом, — очень серьезно ответила девушка.

— Кевин не умер. Он жив.

Ее глаза распахнулись так, что, казалось, все остальное худенькое, заостряющееся книзу лицо куда-то исчезло.

— Но я ведь… сама видела. И все видели… И разве не ты рыл ему могилу, Конан?..

Мальчик, придвинувшись к ней поближе, очень коротко, в двух словах рассказал о невероятных событиях, приключившихся с ним в последние дни.

— Кевин не умер. Но он и не жив, — так закончил он свой торопливый рассказ. — Если не вернуть ему отобранную искру — хотя я и не знаю, на что она похожа и для чего она вообще, — он навсегда останется рабом проклятого колдуна. Эти искры искал я в его хижине, когда он объявился на пороге и заорал, что я вор. Теперь ты понимаешь, что Буно настоит, чтобы мне отрубили руку и выгнали прочь. Он боится меня и оттого пойдет на все, чтобы от меня избавиться.

Гэлла отчего-то сразу поверила ему. Наверное, ей очень хотелось, чтобы Кевин и впрямь оказался жив, поэтому она поверила беспрекословно, жадно и прочувственно вникая во все детали рассказа, даже самые невероятные (правда, о Шедде Конан, жалея ее, упоминать не стал).

— О, Конан! Он мне никогда не нравился, этот старик! Мне всегда казалось, что вместо глаз у него крючья, которыми он сдирает с меня одежду, и даже кожу… Хотя он всегда так сладко, так ласково говорит со мной… «Моя сероглазая девочка… мой горный хрусталик…» Но ведь надо скорее рассказать о нем всем! Мужчины схватят его и заставят вернуть искры. И Кевин вернется!

Конан усмехнулся с горечью.

— Если уж даже Меттинг, который мало похож на круглого дурака… — начал, было, он, но внезапно дверь хижины распахнулась, и один их охранявших ее мужчин набросился на Гэллу с бранью.

— Ты что, беспутная девчонка, не знаешь, что с ворами нельзя разговаривать? Хочешь заразиться от него и тоже стать нечистой на руку?.. А ну, прочь отсюда!

— Оставь ее! — захохотал появившийся из-за спины первого второй стражник. — Неужели не понимаешь: она хочет наобниматься с ним напоследок, пока он еще может

сделать это двумя руками!

— Понимать-то я понимаю, но все-таки пусть выматывается отсюда поскорее! К тому же, руки в этом деле — не главное. Когда мы вышвырнем его из деревни, пусть любезничает и развлекается с ним, сколько захочет, где-нибудь на зеленой травке.

Гэлла залилась густым румянцем, но не растерялась.

Дерзко стрельнув в охранников сузившимися от злости глазами, она воскликнула:

— Уж, наверное, я буду слушаться не вас, неотесанные наглецы, а старого Меттинга! Это он велел мне не уходить, пока пленник не съест всего, что я ему принесла, чтобы он не мог уморить себя голодом, прежде чем получит заслуженную кару! Это он велел мне разговаривать с ним, чтобы он проболтался, что именно он хотел стащить у Буно! А ну, прочь отсюда!

Охранники, опешившие от дерзости и напора, так не вязавшихся с робким и трепетным обликом девушки, благоразумно решили не навлекать на себя гнев Меттинга и, ворча и огрызаясь, закрыли дверь.

— Послушай, — зашептала мальчику Гэлла, как только шаги за дверью удалились и все стихло. — Тебе надо отсюда бежать! Меттинг ведь может и не уговорить всех не отрубать тебе руку. Но даже если он и уговорит, тебя все равно накажут, хотя и по-другому!

— Ты думаешь, я не пытался! — воскликнул Конан. — Самое первое, что я сделал, когда меня швырнули сюда — обшарил весь дом. Все глухо! Печная труба заколочена, дверь и окно стерегут. Даже если я превращусь в крысу, мне не удастся отсюда выбраться!

— Но я помогу тебе! — горячо предложила Гэлла. — Ты убежишь, а потом мы встретимся с тобой на кладбище, и ты проведешь меня к Кевину.

— Поможешь? Мне?.. — усмехнулся мальчик. — Но как ты мне сможешь помочь?

— О, очень просто! Я выйду отсюда и одного из охранников отошлю в хижину, где спорят мужчины, — скажу, что у Меттинга есть к нему важное поручение. Как только он уйдет, я начну второму заговаривать зубы. Он не слишком-то умен, это сразу видно. Ты в это время тихонько выскользнешь за моей спиной. Как только охранник тебя заметит, я схвачу его за руки, кинусь под ноги, в общем, придумаю что-нибудь… Ты уж сумеешь за это время убежать!

Глаза у Конана загорелись, а сердце сильнее забилось в груди.

— Пожалуй, Кевин не зря собирался на тебе жениться! Ты молодец.

Гэлла опустила глаза. Помедлив, она направилась к двери.

— Ну, так я начинаю!..

— Подожди! — схватил ее за плечо мальчик.

Новое соображение, пришедшее ему в голову, перечеркнуло всю его радостью. Если ему удастся вырваться отсюда, то уж Гэллу схватят наверняка. И что будет с ней? По неписаным киммерийским законам тот, кто помог преступнику избавиться от наказания, подвергается этому же наказанию сам. Гэлле отрубят руку и вышвырнут за пределы деревни. Конечно, она сама предложила ему бежать, значит, отвечает за все последствия, но… Но получить свободу ценой чужой отрубленной руки ему почему-то не хочется. Да и что скажет ему Кевин, если получит когда-нибудь назад свою искру? Что скажет Кевин, не найдя невесты или, еще хуже, встретив ее где-нибудь без руки?..

— Нет, Гэлла, — твердо сказал Конан. — Женщины очень глупы. Все. Не могу понять, как Кевин мог захотеть жить с тобой в одном доме! Ты даже не подумала о том, что если я убегу, тебе отрубят руку вместо меня.

— Но я тоже убегу! — пылко воскликнула Гэлла. — Я очень ловкая и быстрая, я вырвусь от них!..

— Нет и нет, — отрезал мальчик. С женщинами всегда надо говорить коротко и сурово, даже если тебе только тринадцать лет. — Уходи, Гэлла. Можешь поговорить с Меттингом, если он станет тебя слушать. Но вряд ли из этого что-нибудь выйдет. С Кевином же встречаться тебе сейчас незачем. Эта встреча совсем тебя не обрадует, можешь мне поверить.

— Обрадует! — возразила девушка.

Конан не ответил. В молчании он съел все лепешки, выпил молоко и протянул ей пустой кувшин.

— Теперь уходи, — коротко велел он.

— Обрадует!.. Меня очень обрадует, Конан!.. — умоляюще повторила Гэлла.

Крылья ночной бабочки затрепетали быстро-быстро. Благодаря этим взмахам слезы не выкатились из глаз, но удержались в их уголках.

Не глядя на нее и не дожидаясь, пока за девушкой захлопнется дверь, Конан снова свернулся калачиком на полу, стиснув зубы и сведя брови к переносице.

* * *

Все население деревни высыпало из домов и собралось возле Черной Ели — так называлось место на холме, вдали от хижин и огородов, где совершались публичные наказания, а также приносились самые страшные и торжественные клятвы.

Черная Ель когда-то была обычным зеленым деревом, но в незапамятные времена в нее попала молния, превратив в обугленный столб. Это было сочтено ясным указанием Крома на значительность и священность этого дерева и этого места.

У Черной Ели когда-то отрубали правую руку Хоссе. Здесь же получали последние напутствия воины, отправлявшиеся в дальние походы.

Возле самой ели, едва не касаясь лбом обугленного ствола, стояла мать Конана, прямизной осанки не уступая дереву. Лицо ее было темным от горя и позора, но синие глаза смотрели спокойно и прямо, и голова не клонилась.

Конана привели и остановили в нескольких шагах от нее.

Воины, сторожившие мальчика в хижине Хоссы, теперь стояли по его бокам, сжимая рукояти мечей. Конан почувствовал невольную гордость: его охраняют, словно могучего и опасного врага! Впрочем, гордость была мимолетной и быстро сменилась горечью и нетерпением: долго ли они будут тянуть, скорей бы уж говорили о предназначенном ему наказании!

Скорей бы уж взмахнули мечом! Правая рука отчего-то невыносимо зудела.

Старый Меттинг, одетый торжественно и чисто, словно то была не казнь, а праздник, поднял руку, призывая всех к молчанию. Разговоры, выкрики и смешки стихли.

— Братья, — медленно начал Меттинг. — Нет нужды говорить, для чего мы собрались сегодня у этого священного, отмеченного самим Кромом места. Конан, сын Ниала-кузнеца, сын достойного, погибшей славной смертью воина, был уличен сегодня ночью в одном из самых позорных деяний. Он попытался обокрасть нашего с вами соплеменника, всеми уважаемого Буно. Все мы знаем, какое наказание полагается вору.

— Знаем, знаем… — глухо поддакнула толпа.

Где-то там, в этой толпе были друзья Конана, была Гэлла, был маленький предатель Пэди. Интересно, они тоже бормочут: «Знаем, знаем…», или все-таки молчат, уперев глаза в жухлую осеннюю траву?..

— По законам нашего народа, посягнувшему на вещь соплеменника, отрубается правая рука, а затем он навсегда изгоняется из пределов своего селения. Так я говорю?

— Так! Так! — охотно откликнулась толпа.

— Мы все это знаем, Меттинг! — раздался чей-то веселый мужской голос. — Хватит болтовни! Приступай скорей к делу!

— Не торопите меня, — с достоинством ответил старик. — С раннего утра до полудня обсуждали мы сегодня, подвергнуть ли Конана, сына кузнеца Ниала, казни, уготованной всем ворам, либо выбрать ему другое наказание.

— Другое? Почему другое? — заволновалась толпа.

— Я объясню вам. Во-первых, Конан не вступил еще в возраст мужчины. Ему исполнилось только тринадцать лет, и он не участвовал ни разу в испытаниях Крадущейся Рыси. Он не мужчина, а только мальчик пока. Вправе ли мы наказывать его по всей строгости?

Голоса в толпе разделились.

— Вправе! Вправе! — кричали одни. — Если он вырос до ночных краж, значит, годится и для наказания! Младенцы и малые ребята не забираются по ночам в чужие дома! Он вырос, Меттинг! Вырос!..

— Пощади его, Меттинг! — кричали другие. — Он мал и глуп! Нельзя наказывать неразумных детей так же, как и взрослых!..

Конан с любопытством рассматривал знакомые лица соплеменников с распахнутыми ртами, с гневными либо сочувственными глазами. На редкость интересно узнавать, кто именно жаждет его казни, а кто жалеет и громко требует о снисхождении. К несчастью, не всегда можно было разобрать голоса достаточно четко. Многие женщины требовали сурового наказания. Многие мужчины, грозные и грубые, кричали, что он — неразумный ребенок… Вот странно! Приятели его и друзья просто свистели и прыгали, толкая взрослых локтями.

Впрочем, некоторые мальчишки орали во всю глотку: «Он вырос, вырос, Меттинг!..» Вряд ли они делали это от злобы или мстительности — скорее, им просто было любопытно взглянуть на захватывающее и редкое зрелище…

— И второе, — не обращая внимания на шум, продолжал старик. — Вынося решение, мы не могли не участь просьбу Буно. Того самого Буно, всеми нами почитаемого человека, кого собирался ограбить Конан. Его великодушное сердце не жаждет мести. Он просил нас, да-да, он просил не применять к мальчику таких суровых мер, которые искалечат всю его дальнейшую судьбу.

Конан отказывался верить своим ушам. Старик Буно просил за него?! Его великодушное сердце не горит жаждой мести?..

Как это понимать? еще чуть-чуть, и у него лопнет голова, настолько трудно переварить все происходящее!

Он нашел глазами фигуру старика. Тот стоял в первых рядах толпы, скромно одетый, без обычных своих камней и побрякушек. Лишь черные перья ворона топорщились на мешковатой шее. Весь вид его выражал смирение и усталую доброту. Морщинистые пальцы теребили бахрому на крае одежды.

— Скажи им всем, Буно, — попросил Меттинг. — Боюсь, что мне они не верят. Да и

впрямь: трудно поверить, что кто-то, кого чуть не ограбил вор, может просить о снисхождении.

— Да, я прошу помиловать этого мальчика, — сказал Буно мягко и сокрушенно. — Он еще неразумен, несмотря на высокий рост и крепкие мускулы. Его ум — это ум ребенка. Конечно же, он не понимал, каким позором покрывает себя и свою достойную мать, забравшись ночью в мой дом. Да, я прошу, я очень прошу вас его помиловать!

Рты распахнулись даже у солидных густобородых мужчин, не то что у юнцов или женщин. Поражены были и те, кто требовал снисхождения. Подобные снисходительность и кротость были внове этим суровым сердцам. Если бы просьбу помиловать своего врага произнес кто-нибудь другой, его могли бы засыпать обидными насмешками. Но смеяться над знахарем никому не хотелось.

— Ну, раз Буно так просит… Пускай… Пусть мальчишке не рубят руку… Пусть не выгоняют… — заговорили растеряно требовавшие для Конана взрослой кары.

— Конечно же, совсем безнаказанным его поступок оставить нельзя, — снова заговорил Меттинг. — Посоветовавшись, мы решили, что будет справедливо, если накажет вора тот, кто дал ему жизнь, кто должен был воспитать его таким, каким надлежит быть мужчине. Мать Конана, Маев, должна будет нанести сыну десять ударов плетью.

Толпа согласно и удовлетворенно загудела.

— Правильно… конечно… Раз нет отца, должна мать… Рука у Маев крепкая, она справится…

Десять плетей! Конан чуть не подпрыгнул от радости, как сопливый мальчишка. Всего-навсего десять плетей!.. И рука его, теплая, родная рука останется с ним! И родная деревня останется с ним. Конан изо всех сил втянул щеки и сдвинул брови, чтобы на лице его не проступило лившееся через край ликование. Десять плетей!..

В руке у Маев оказалась услужливо поданная ей плеть, которой обычно деревенский пастух оглаживал самых непокладистых жеребцов. Охранники Конана подвели его вплотную к стволу Черной Ели, грубым толчком заставили наклониться и стянули со спины одежду. Повернув голову, мальчик исподлобья посмотрел на лица зачарованно притихших соплеменников. Его интересовало, правда, всего лишь одно лицо. Сморщенное, слащавое личико колдуна. Конан думал, что старик со злорадством вопьется в него своими белесыми глазками и будет сладко причмокивать от каждого удара. Но он ошибся. Буно и не думал смотреть на него. Прикинув направление его взгляда, мальчик догадался, что старик не сводит глаз с его матери.

Вжжик!.. Первый удар рассек Конану спину. Он не позволил себе не то что вскрикнуть, но даже поморщиться.

Лишь мелькнула короткая, но достаточно горькая мыслишка, что уж родного и единственного сына можно было бы хлестать не с полной оттяжкой…

Вжжик!.. Второй удар был сильнее первого. Буно все так же не сводил цепкого взора с лица Маев. Конан, едва не вывернул себе шею, посмотрел на мать. Ее побелевшие губы были закушены, а глаза… Глазами она вбирала в себя взгляд старика, хотя лицо ее, похоже на меловую маску, было повернуть в сторону оголенной спины сына…

Кром! Неужели та сила и жестокость, с которой опускает свистящую плеть его мать, тянется, как по невидимой ниточке, как по невидимой трубочке, из острых глазок, похожих на два белых когтя, обмакнутых в сладкий, но смертельный яд?.. И это его мать!.. Не боявшаяся в одиночку сражаться с толпой ваниров, метким выстрелом попадающая прямо в

глаз разбуженного среди зимы и оттого особенно яростного медведя… Его мудрая, его гордая, его отважная мать Маев…

Маев подняла руку для третьего удара, но отчего-то медлила. Толпа зашелестела, недоумевая, что с ней случилось. В глазах матери, обращенных к колдуну, появилось что-то странное. Затем в них сверкнул гневный огонь, и занесенная рука опустилась. Женщина отбросила от себя плеть и, ни слова не говоря, отошла прочь от ели.

Перекрывая недовольный, осуждающий рокот толпы, заговорил Меттинг:

— Наказывать и карать — дело мужчин. Дело женщин — рожать, кормить и залечивать раны. Наверное, мы поторопились, заставив Маев творить расправу над собственным сыном. У Конана нет отца, нет старших братьев.

Но может быть, найдется у него родственник из мужчин, пусть и не близкий, который мог бы вместо Маев закончить начатое ею?

Родственник нашелся быстро. Из толпы охотно протиснулся толстый Черок, не то двоюродный дядя, не то троюродный брат Конана, он точно не помнил. Похлопывая себя по ляжкам и подмигивая дружкам, он подошел к ели и поднял в земли плеть.

— Тебе осталось восемь ударов, — напомнил Меттинг.

Вжжик!.. Черок был не столько силен, сколько толст, но хлестал он крепче матери. По силе ударов Конан чувствовал, что Буно теперь не сводит взора с его услужливого родственника.

Вжжик!.. Мальчик был уже на грани. Вот-вот он заскулит или взвоет, покрыв себя навеки позором. Чтобы этого не случилось, он еще раз взглянул прямо в лицо колдуну и, чувствуя, как ненависть выжигает ему глаза и сдавливает горло, крикнул:

— Эй, ты! Жалкий и грязный колдун! Вжжик!.. Ты просил меня помиловать?.. Вжжик!.. Я плюю на твои милости, слышишь?! Клянусь Кромом… Вжжик!.. я… тебя… Вжжик!.. уничтожу!..

Казалось ли Конану, либо на самом деле с каждым его выкриком удары становились все яростнее, но только удар, последовавший за криком «уничтожу!» обрушился на него такой болью, что мальчик потерял сознание.

Словно сквозь мутную и душную пелену сна он слышал голоса, витающие вокруг него, сокрушенные, сочувственные, злорадные, — и среди них выделялся приторный ненавистный говорок Буно:

— Ну, разве ж так можно? Так недолго засечь и до смерти. Ведь это же мальчик, а не рыжий ванир. Ах, Черок, Черок… Если бы ты был таким в бою… Но отойдите-ка все от него! Я попробую его вернуть, если сумею.

Конан чувствовал, как на горящую его спину льют потоки теплой воды, как кто-то из женщин забинтовывает ее мягкой тряпицей… Ему растирали виски, дышали на веки. Голоса становились все отчетливей, в голове его понемногу прояснялось. Мальчик готов уже был открыть глаза и крикнуть насмешливо: «А я и не думал отправляться на Серые Равнины! Зря радуетесь!»

Но внезапно он почувствовал, как зубы его разжимают острием кинжала и в рот вливается жгучая горькая жидкость.

— Сейчас-сейчас, попробуем вытащить мальчишку с того света… — бормотал ласковый голос. — Если уж и это питье ему не поможет, тогда я не знаю… тогда уж ничем не поможешь ему больше… Ах, Черок! Неужто же твои удары оказались для бедного мальчугана роковыми…

Конану захотелось выплюнуть горькое снадобье и громко крикнуть, что старик поит его отравой. Но он не успел: яд уже проник в горло и заструился вниз, к желудку. Странное онемение разливалось по всему его телу. Конан перестал чувствовать свои руки, ноги, пылающая болью спина словно уплыла от него куда-то… Только искра сознания шевелилась под лобной костью.

«Вот что, должно быть, та самая искра жизни, — вяло подумал мальчик. — То, что живет, когда все остальное умерло…»

* * *

Конан не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, не мог вздохнуть, не мог приоткрыть веки. Яд, которым опоил его Буно, сделал все мускулы холодными и безжизненными, как стоячая вода на дне колодца. Но он все слышал, все чувствовал, все осознавал.

Он слышал, как говорила с ним его мать. Киммерийские женщины никогда не плачут, даже когда теряют своих сыновей. Маев сидела возле недвижного тела сына долго, очень долго. Порой она брала его холодную ладонь и держала в своей, словно пытаясь отогреть, оживить, растопить застылую кровь. Конан изо всех сил пытался шевельнуть пальцами, дать ей понять, что он жив, — но даже пальцы, даже легкие и чуткие пальцы не слушались его…

«Отчего ты ушел, Конан? — спросила Маев после долгого и черного, как беззвездная ночь, молчания. — В мир Серых Равнин не уходят от десяти ударов плетью. Ты обиделся на меня за два моих удара и ушел?.. Но разве моя обида не больше? Мой сын, сын могучего и славного Ниала стал вором. Может быть, ты ушел, чтобы не носить на себе всю жизнь позорное клеймо вора? Тогда я понимаю тебя. Я прощаю тебя, сын мой, если ты ушел от стыда. Прости и ты».

Конан слышал, как к ней подходят мужчины и говорили, что тело мальчика нужно предать земле. Они говорили, что нельзя держать тела умерших не зарытыми слишком долго. Но Маев только молча смотрела на них, и они уходили.

«Но что ты будешь делать на Серых Равнинах, сын мой?» — снова спрашивала она его. — Кром почитает и сажает с собой за пиршественный стол лишь тех, кто погиб славной смертью в битве. У тебя не будет там друзей. Не будет зеленых лесов для охоты, синей воды, в которую можно нырять с разбега…

Не будет лугов и резвых коней, и верной собаки. Зачем ты ушел? Ты ведь еще так молод. Позорное клеймо вора ты мог бы смыть с себя воинской доблестью, кровью и жизнью врагов, своей собственной, пролитой в честных битвах кровью. Отчего ты так поспешил? Ведь там, на Серых Равнинах, где нет битв, где мечи со звоном не ударяются друг о друга — клеймо вора будет пребывать на тебе вечно».

Мать сидела над ним всю ночь и весь следующий день. Вечером снова пришли мужчины, снова требуя похоронить тело, уже резче и тверже. «Ты сошла с ума, Маев, ты стала безумна, — слышал Конан их грубые, режущие слух по сравнению с тихим голосом матери, речи. — Посмотри на себя, Маев. Посмотри в полированный медный щит или в воды озера: ты стала совсем седой, ты стала совсем безумной. Если тело не опустить в землю до тех пор, пока на ней не появятся первые признаки разложения, дух умершего разгневается. Он оскорбится, он сочтет это надругательством над своим телом и будет мстить. Он будет мстить всем нам, Маев».

Невзирая на молчаливый протест матери, они взяли тело мальчика, завернули в грубую ткань и понесли на кладбище, к уже готовой, разверстой в земле яме.

«Не отдавайте меня им, мама!» — беззвучно молил Конан, но Маев, даже если и слышала что-то в самой глубине души, уже ничего не могла поделать. Обычаи деревни были сильнее любых материнских чувств.

Голоса ее Конан больше не слышал. Как только холодную ладонь сына выдернули из ее руки, Маев замолчала и хранила молчание во все время недолгих похорон.

Другие голоса кружились над недвижимым, закутанным в холстину телом. Отрывистые, сокрушенные, хмуро-деловые…

Чаще и громче всех жужжал приторный голос вездесущего колдуна. Он причитал, вздыхал, укорял Черока за то, что тот не мог сдержать праведный гнев руки… Он укорял и ругал сам себя за то, что не был достаточно настойчив и не смог убедить мужчин не наказывать мальчика вообще… Конана мутило от бессильной ненависти. Кром! Если б у него хватило сил, хотя бы на одно движение — этим движением был бы плевок в наигранно сокрушающееся лицо…

И еще один голос — тонкий, отчаянный — плеснулся над ним однажды. Это было, как только тело мальчика опустили в землю.

— Он не был вором! — кричала Гэлла. — Вы не должны были его наказывать! Он пытался спасти Кевина и всех остальных, а вы… вы убили его!.. Теперь Кевин не вернется к нам!.. Зачем, зачем вы поверили колдуну?!

«Замолчи, глупая! — хотел крикнуть ей мальчик.

Он мучительно и безуспешно пытался хотя бы шевельнуть языком.

— Замолчи, убегай, прячься… Буно уничтожит тебя. Он расправится с тобой так же, как и со мной…»

— Бедная девочка, рассудок ее совсем помутился… потерять жениха, а теперь еще эта нелепая смерть… но я попробую ее исцелить… Не отчаивайся, моя девочка… — скрипел сладкий голосок, в то время как Гэлла все кричала, вырываясь из рук рассерженных женщин.

Конан слышал, как ее силой оттаскивали от распахнутой могилы.

И наступило самое страшное. На грудь, на живот, на лицо мальчика, прикрытые тканью, полетели комья глины. Они больно ударяли его и царапали, и казалось, что это враги побивают его камнями. Конан напрягся в последнем, разрывающей изнутри жилы усилии, чтобы крикнуть: «Не зарывайте меня! Я живой!» — но не смог издать даже слабого шепота.

Глина давила на рот и ноздри. Безжалостная, холодная тяжесть земли навалилась на грудную клетку. Конан стал задыхаться. Великая мука удушья охватила его, но даже от этой муки ни один мускул его тела не дрогнул, ни один звук не сорвался с его белых губ.

* * *

Конан очнулся от того, что кто-то рядом с ним громко прошипел:

— О, непокорный камень! Погоди же, я сумею тебя укротить…

Мальчик открыл глаза и тут же зажмурился: тысячи разноцветных искр переливались прямо над его зрачками, и вынести их яркое сияние было совершенно невозможно.

— Я все-таки заставлю тебя работать на меня, мой чистенький, мой благородненький камушек… — раздалось возле него опять.

Хотя интонации были другими, чем обычно, голос узнать было нетрудно. Конечно же, это опять Буно. Вездесущий и омерзительный…

— Проклятый колдун… — пробормотал мальчик.

К его удивлению, язык и губы снова его слушались, и негромкие эти слова прозвучали вполне отчетливо.

— Очнулся, очнулся, мой мальчик! — радостно захихикал Буно. — Открой же свои синие глазки, не бойся!

Конан снова приоткрыл веки, на этот раз совсем чуть-чуть, и повернул голову, чтобы пляшущие вверху искры не слепили его. Веки, язык, губы и шея теперь его слушались. Но как он ни напрягал мускулы спины, рук и ног, встать или хотя бы приподняться он был не в силах.

— Не дергайся, не дергайся, — заметив его усилия, весело сказал старик. — Пока что ты мне нужен спокойненьким. Неподвижным, как камушек. Этакий большой, теплый камень, смирно лежащий там, куда его положили… совсем скоро ты забегаешь, можешь мне поверить! И даже не на двух, а на целых шести ножках! Ведь, правда, здорово, мой мальчик? Шесть замечательных быстрых ножек, вместо вот этих двух неуклюжих столбов…

Судя по затхлому воздуху и пылающим факелам вдоль стен, он был в подземелье. Но как отличалось это помещение от сырой и грязной шахты, где долбили землю изможденные мертвецы! Низкий потолок был весь выложен прозрачными, как вода в лесном источнике, кристаллами. В их гранях дробился и умножался до бесконечности свет шести факелов, создавая ощущение сказочного дворца, достойного богатейшего из земных королей. Было почти так же светло, как на вершине горы в ясный полдень. Стены были выложены отполированным темным камнем с вкраплениями переливающихся сине-зеленых кристаллов. Из того же камня был и пол, и огромный стол, на котором лежал на спине Конан. За тем же столом на расстоянии одного локтя от головы мальчика сидел Буно, низко склонившись, как индюк над горстью зерна, над россыпью мерцающих разноцветных камней. Внимательно разглядывая и, старик как будто что-то искал, передвигая камни узловатыми пальцами. Вот он ухватил один из них и торжествующе поднял над столом, прицокивая языком от восхищения. Прекрасный изумруд, прозрачный и чистый, мерцал в стариковских пальцах короткой и радостной зеленью. Он был того же оттенка, как самая первая майская листва на деревьях.

— Ты-то мне и нужен, мой чистенький камушек. Отправляйся-ка на свое место, рядом с влюбленными рубинами, и жди, пока я буду подбирать тебе пару…

Но зеленый камень внезапно раскололся прямо в его пальцах, просыпавшись на стол мелкими острыми осколками.

— О, гордец! — огорчился старик. — Уже третий камень убивает себя у меня в руках, — сказал он со вздохом, посмотрев на мальчика. — Изумруд — очень трудный камень.

Может быть, самый трудный. Он очень сильный и очень влиятельный, он талисман Орла, без которого мне никак не сделать настоящее звездное ожерелья из влюбленных камней.

Нет больших гордецов и чистюль, чем изумруд! Он, видишь ли, не желает служить темным и грязным помыслам. Он кончает с собой в руках человека, который кажется ему колдуном, лжецом или убийцей… гордый, гордый камушек! Но я перехитрю его. Когда я делал ожерелье для Шедда, погибло пятеро прекрасных камней, но все-таки я справился с ними. Справлюсь и сейчас…

Буно поднялся из-за стола и похлопал Конана по застылому плечу.

— Побудь еще недолго, мой мальчик. Я скоро вернусь. Я только подберу в своей кладовой несколько стражников. Знаешь, какие камни сторожат лучше всего? Алмазы! Ох, и крепкие это ребята! Они помогут мне справиться с неженками и гордецами. Семь-восемь алмазов — и дело пойдет на лад…

Старик толкнул обшитую медью толстую дверь и вышел. Конан остался один. Он опять попробовал приподняться, но, как и в первый раз, ничего у него не вышло. Тогда он решил крикнуть — крикнуть как можно громче: может быть, Шедд услышит его и догадается, что он тоже отныне пленник проклятого колдуна.

— Я зде-е-есть! Я — Ко-о-о-нан! — закричал он, напрягая ребра и легкие.

Получилось, правда, довольно слабо. Вряд ли этот крик, больше похожий на писк умирающего, сможет выплеснуться за пределы толстых земляных стен, обитых камнем и медью.

Дверь приоткрылась. Но то был не Шедд и даже не Буно, возвратившийся раньше времени. В мерцающую тысячью бликов комнату, испуганно пригнувшись и ошарашено оглядываясь, проскользнула тоненькая фигурка.

— Гэлла! — изумленно воскликнул Конан. — Откуда ты здесь?!

Появление девушки так потрясло его, что он смог, на одном порыве, оторвать от стола голову и взмахнуть руками. Гэлла кинулась к нему, счастливая и безмерно испуганная одновременно. Она прерывисто дышала и моргала так часто, что глаза ее казались подернутыми дымкой.

— О Конан! Попробуй встать, умоляю тебя!.. Я не могу унести тебя на своих плечах, но я будут поддерживать тебя и помогать идти. Только встань! Скорее!..

— Ты думаешь, я не пробую это сделать с тех самых пор, как пришел в себя? — спросил мальчик, еще раз взмахивая руками и шевеля шеей. — Действие яда, которым опоил меня старик, стало слабее. Я могу разговаривать, могу шевелиться. Но встать пока не могу! Спина и ноги не слушаются меня…

— Их надо просто растереть! Они застыли, закоченели! — Девушка принялась быстрыми крепкими пальцами растирать Конану мышцы плеч, груди и спины. Приятное тепло заструилось и защипало под кожей. — Ты встанешь сейчас, ты сможешь!..

— Но ты-то, ты откуда взялась здесь? — опять спросил он, с усилием ворочаясь с боку на бок, чтобы подставить ее рукам каждую мышцу. — Буно ушел ненадолго. Если он заметит тебя здесь, он тебя уничтожит. Хуже, чем уничтожит, — поправился мальчик, вспомнив о той участи, о которой намекал ему старик, говоря о «шести ножках».

— Я спряталась на кладбище, когда все ушли, — негромко и торопливо стала рассказывать девушка, в то время как ее руки, горячие и маленькие, продолжали растирать оживающие мышцы Конана. — Я догадалась, что задумал Буно. Я ждала его. О, как же мне было страшно!.. Я спряталась за камнями и чуть не умерла от ужаса, совсем одна… Он пришел, как только стемнело, с ним был еще кто-то, огромный, как зубр. Кто это был, я не поняла: было темно, и он все время молчал… Буно приказывал ему, как своему рабу, а тот слушался. Когда он стал разрывать твою могилу, мне стало еще страшнее… Я все время ждала, что разгневанные духи мертвых выскочат и набросятся на них, и на меня заодно… К счастью, духи не выскочили… Огромный раб достал тебя из могилы и взвалил себе на плечи. И они пошли. Буно все время бубнил о чем-то. Что ему очень повезло и теперь у него есть мальчишка… Что ему пригодится твоя отвага и ловкость… Что какой-то жук не боится

ожогов подземного огня… Он бубнил и хихикал, и прищелкивал языком, и оттого, наверное, они не слышали моих шагов за своими спинами… Потом они залезли в какую-то щель в скале. И я за ними. Сначала было очень темно, я все время спотыкалась, а один раз даже упала… Хвала Крому, они не слышали, потому что раб, несший тебя, тоже часто спотыкался, хрустел камнями и шаркал ногами, как глубокий старик… Потом появились факелы, стало светлее… Если бы они оглянулись и увидели меня, я умерла бы от страха! Буно не пришлось бы даже убивать меня специально… Но они не оглядывались, хвала великому Крому!.. Они дошли до двери в эту комнату и вошли в нее. Я осталась снаружи, погасила факел над дверью и затаилась в тени… потом раб вышел, уже без тебя. Меня он не разглядел, но я увидела его лицо. О Конан, мне показалось, что это был Браг! Тело его было все в заживших шрамах и блестело, как живое… мне очень хотелось его окликнуть, но я не решилась, потому что помнила, как он слушался Буно, каждого его слова… Браг ушел, а я осталась под дверью. Если б не ужас, я бы заснула… Я прислушивалась, но из-за двери не доносилось ничего. Не было вообще никаких звуков, только глухие удары доносились издалека… потом Буно вышел. Мне показалось, что ты зовешь на помощь, хотя слов было не разобрать… Я вошла… Ты не можешь еще подняться, Конан?..

Усилия ее маленьких рук не прошли даром. Руки и ноги мальчика оттаивали и оживали. Напрягшись, он выбросил вперед ладонь, ухватился за плечо девушки и сел. Затем согнул колено.

— О, ты совсем выздоровел, Конан! — обрадовалась Гэлла.

Но тут, заслышав скрежет открываемой двери, мальчик мгновенно оттолкнул ее под прикрытие выступающей длинной плиты стола. Гэлла сжалась в комочек и зажмурилась. Конан хотел было принять прежнее положение, но успел только упасть навзничь, больно ударившись затылком о холодный полированный камень.

Вошедший старик окинул быстрым взглядом его тело с раскинутыми руками и полусогнутой ногой, но не рассердился, а понимающе покивал головой.

— Скучно лежать без движения?.. Потерпи, мой мальчик. Скоро ты задвигаешься, забегаешь, заползаешь… Уже завтра наступит для тебя новая и такая увлекательная жизнь, мой славный, мой дерзкий… Если бы ты знал, как нужна мне твоя отвага, твоя дерзость, волчий твой блеск в синих глазенках!..

— И для чего же тебе все это? — поинтересовался Конан, стараясь потихоньку принять прежнее положение.

Он решил поддерживать разговор со словоохотливым стариком. Во-первых, Буно мог при этом выболтать нечто важное, что пригодилось бы ему для спасения — себя и всех остальных. А во-вторых, болтая, старик не расслышит шорохи и вздохи, которые неминуемо будет издавать безрассудная девчонка.

— А для того, чтобы добывать мне самые чистые, самые бесстрастные камушки! — охотно ответил Буно. — За ними нужно спускаться в глубины гор, а там бывает жарко, очень жарко. Шедд рассказывал мне, что видел дивное скопление сапфиров, прозрачных и голубых, как сам воздух, но подобраться к ним не мог: кожа его чуть не полопалась от невыносимого жара. Твоя же кожа будет прочной, как щит, а для лица и глаз мы придумаем какую-нибудь защиту… Да ведь ты же уже познакомился со свей будущей кожей и ножками, разве не так?.. Нравится тебе эта прочная и красивая спинка, которую не проткнет ни стрела, ни меч? Скоро она будет твоей!

От мысли, что старик не шутит и действительно собирается превратить его в одно целое

с гигантским жуком, голова мальчика закружилась и к горлу подступила тошнота. Он едва не потерял сознание. Но молчать и, тем более, валяться в обмороке было нельзя, поэтому, преодолев Леденящее отвращение, он отозвался слабым, но заинтересованным голосом:

— Интересно, как это у тебя получится?..

— А так же, как получилось с Шеддом! — воскликнул Буно.

В голосе его слышалась гордость.

— Главное — сделать Звездное ожерелье. Для этого нужно подобрать двенадцать пар горячо любящих друг друга камней и выстроить их в цепь по особым знакам. Такая цепь сможет соединить и удержать вместе самые несоединимые вещи. Скажем, голову человека и туловище гигантского червя. Или жука, или медведки… Если снять с Шедда ожерелье, он тут же умрет, потому что человеческая плоть не может срастись с плотью более низкой твари. Но влюбленные камни творят чудо! Любовь вообще чудо, мой мальчик, даже у людей она кое-что может, а уж среди камней!.. Соединенные в ожерелье пары силой своей любви заставляют кровь человека течь по телу ползучей твари и наоборот.

— Разве камни могут любить? — спросил Конан, на этот раз уже с неподдельным интересом.

— И любить, и ненавидеть, и дружить, и враждовать — как и люди! Только нужно большое умение и большая зоркость, чтобы заметить их любовь или ненависть…

За разговором Буно продолжал перебирать свои камни, низко склонившись над столом и прищурившись. На этот раз на руках у него было что-то вроде грубо сшитых кожаных перчаток, на кончиках пальцев которых искрились небольшие алмазы.

— Смотри, смотри, — сказал старик. — Я вижу, как тебе интересно. Твои синие глазенки сверкают не хуже двух лазуритов! Если тебя по-настоящему увлекут камни, я могу поведать тебе много-много секретов. Наверное, я совсем состарился: так и тянет передать кому-то свои знания. Так и хочется видеть возле себя пытливые и внимательные глаза ученика. Ты не глуп, Конан. Ты многое мог бы перенять у меня. Впрочем, — спохватился старик, — в твоем новом положении тебе будет трудно даже держать камушки, а не то, что работать с ними… Трудно будет держать их в лапках, славных, мохнатеньких шести лапках… Но это ничего. Знание тебе не помешает. Ты будешь разбираться, какие камни чего стоят, и имеет ли смысл ради них забираться в раскаленные расщелины…

Буно выбрал из разноцветной россыпи два продолговатых изумруда и, соединив их вместе, долго разглядывал. Тонкие губы его удовлетворенно подергивались.

— Смотри, какие красавцы чистой воды! Мои славные ребятки немало потрудились, добывая их, а затем шлифуя долгими ночами. Как хорошо, что они не нуждаются в сне и отдыхе и могут шлифовать, шлифовать, шлифовать не разгибая спины… но найти и придать им ослепительный блеск — это еще не все. Готовые камни я ссыпаю на пол в своей кладовой — о, какая там многоцветная волшебная груда!.. Много дней я не подхожу к ним и не касаюсь. Ведь нужно время, чтобы они успели познакомиться, кого-то между собой полюбить, а кого-то возненавидеть… Вот эти двое, видишь? — они любят, они полюбили друг друга крепко-крепко, может быть, навсегда. А ты заметил, как я перехитрил эти гордые изумруды? Я не касаюсь их пальцами, но только алмазами, прикрепленными к коже перчаток. Алмазы — мои лучшие помощники, самые стойкие и прочные ребята. Сквозь алмазную плоть зеленые неженки не почувствуют ничего. Они не узнают, грязны мои помысли или чисты, пока пальцы мои не коснуться их. Но они не коснуться! Я перехитрил их. Больше не будут рассыпаться в пыль самые чистые, самые ценные мои камушки… Будут

смирненько стоять в ожерелье, поглощенные великой любовью, в ряду таких же безумцев… А знаешь, как находить влюбленные пары? Это не так-то легко, мой мальчик!

Прежде всего, надо отличить мужские кристаллы от женских. Мужские светятся ярче и жестче, женские же более нежны и прохладны. Затем их надо соединять попарно, и, если встретится влюбленная пара, я сразу это почувствую. Они тянутся друг к другу, неуловимо, незаметно для глаза тянутся. И они теплеют, словно разогреваемые внутренним огнем! А если соединить их вместе — вот так! — потом нужно большое усилие, чтобы разъединить их, разлучить… Разлуки влюбленные камни бояться так же, как и влюбленные люди.

Речи старика заворожили Конана, равно как и яркий блеск камней, с которых он не сводил теперь взгляда. Он увидел, как пару соединившихся изумрудов Буно положил рядом с такой же парой красных камней, а с другой стороны придвинул к ним два золотистых. Четвертая пара была светлой и переливчатой.

— А что ты делаешь с ненавидящими камнями? — спросил мальчик, щурясь от слишком яркого мерцания граней. — Вставляешь их в наконечники для стрел и копий?

— О нет! — откликнулся старик. — Хотя твоя мысль неплоха, совсем неплоха! Если бы я был воином или охотником, я бы обязательно прислушался к тебе и в каждый наконечник вставлял по паре смертельно ненавидящих друг друга кристаллов. Но я нашел им другое применение, и оно, поверь мне, не хуже. Если собрать вместе и построить хоровод из камней, не выносящих присутствия друг друга, получится отличная ловушка для того, что невидимо глазом.

Лучше всего брать для этой цели гранаты. Самые темные, почти черные гранаты, славящиеся силой и длительностью своей злобы. Их ненависть наиболее устойчива и могуча. У меня есть колечко, совсем небольшое, из девяти злобненьких маленьких гранатов, — показал пальцами, какой величины это колечко, и хитро улыбнулся. — Помнишь, ты ринулся искать искры жизни, о которых сдуру выболтал тебе Шедд, у меня в хижине? О, смешной, глупый мальчишка! Искры эти, а вернее, нити, тонкие серебряные нити, невидимые нити — всегда при мне. Я не прячу их в хижине или где-нибудь еще. Маленькое колечко из темных гранатов, каждый из которых ненавидит своего соседа, я прикладывал к губам мертвых воинов, прежде чем впустить в них жизнь. Раскаленная от бессильной ярости камни задерживали своими острыми гранями то, что Шедд назвал искрами, а я повторяю за ним, потому что истинное их название — тайное, и его нельзя произносить вслух. Гранаты вцеплялись в это невидимое, неназываемое своими твердыми зубами и не пускали в ждущие, оживающие и теплеющие тела… и они будут держать крепко, как сторожевые собаки! Они не разожмут зубов, пока не распадется их цепь, либо пока они не умрут.

— Разве камни умирают? — спросил Конан.

Голова у него гудела и позванивала от блеска камней, чада факелов и невероятных знаний, которыми щедро наполнял его старик с готовностью истомившегося без учеников учителя. Мальчик с удовольствием отдохнул бы от всего этого, но долго молчать было нельзя. Он лишь позволил себе прикрыть воспаленные глаза веками.

— Камни умирают, еще как! Разве не на твоих глазах покончил с собой, рассыпался в прах прекрасный изумруд? Правда, обычно они живут очень долго, тысячи и даже тысячи тысяч лет. Влюбленные камни растут и увеличиваются в размерах. Те, что висят на шее у Шедда, за полгода выросли почти на четверть пальца, я измерял. Ненавидящие же — уменьшаются, гаснут от бессилия утолить свою ярость. Если их не разъединить, не разорвать цепочки, они тускнеют и умирают через какое-то время. Правда, я надеюсь, что за это время

успею раздобыть все недостающие мне камни. Я успею создать Корону Бесстрастия, пока мои злобные гранаты не зачахнут и не отпустят на волю искры жизни моих трудолюбивых рабов.

Буно замолчал. Казалось, он выдохся или просто устал от долгого разговора. Внимательно и сосредоточенно раскладывал он на гладкой поверхности стола окружность из разноцветных каменных пар.

Конану послышался шорох и легкий вздох под столом. Видимо, Гэлла утомилась от долгого сидения, скорчившись. Буно настороженно поднял глаза. Мальчик зевнул и почесался, всем своим видом показывая, что источник подозрительных звуков — он сам и никто больше.

— А что это за Корона и зачем она тебе? — спросил он громко и бодро.

— А это уже не твоего ума дело, мой мальчик, — сухо ответил старик.

Переход от возбужденной разговорчивости к угрюмо-сосредоточенному молчанию было слишком резким, и Конан слегка растерялся. Но предпринял, тем не менее, еще одну попытку нарушить опасную тишину:

— Мне очень любопытно еще вот что: где ты их берешь, этих самых гигантских червей и жуков? Или ты их здесь откармливаешь, как индюков, до таких размером?..

— Откармливаю, — буркнул старик.

Кажется, что-то не ладилось в его ожерелье, и оттого он хмурился и покусывал тонкие губы. Буно менял камни местами, двигал их и переворачивал, сердито и невнятно бубнил, ругая то неженок-изумрудов, то строптивый аквамарин, то слишком ленивую и вялую бирюзу. Наконец, он удовлетворенно вздохнул, потер пальцы и посмотрел на мальчика

— Конечно же, откармливаю. Но не только. Вырастить таких дивных зверей мне опять-таки помогают мои камушки. Есть такой самоцвет — очень вздорный, обидчивый и капризный — опал. Его фантазия не знает пределов. Камушек этот не выносит скуки, и все время что-нибудь придумывает, что-то творит. Несколько подземных тупиков я выложил изнутри крупными опалами, а для компании добавил к ним немного черного, как твои волосы, гагата и рыжего солнечного камня. Гагат и солнечный камень — один своей меланхолией, другой — легкомысленным смехом — словно подстегивают опалы с двух сторон, не дают им дремать и лениться. В моих опаловых тупиках жуки не только растут, они еще и меняются! Предугадать, во что они превратятся, невозможно. Он очень большой выдумщик — опал. Жук, на котором ты так ловко проехался в прошлый раз, был маленьким невзрачным жучком, безмозглым, как все насекомые, когда я выпустил его в переливающуюся всеми цветами клетку. А вырос в какого красавца!. И всего-то за три луны. Еще лучше моя медведка, мой третий любимый зверек. Ты ахнешь, когда ее увидишь. Она свирепа и всегда голодна, не то что жук, спокойный, как старая черепаха. Челюсти ее уже сейчас могут перегрызть толстое полено, а мощные лапы роют землю быстрее, чем шестеро рабов, вместе взятых. Конечно, учитывая твой дерзкий и необузданный нрав, тебя следовало бы соединить с медведкой, а не с жуком. Вот это было бы чудище: мощное, отважное и сообразительное! Но, к сожалению, медведка еще растет. Опалы еще не кончили фантазировать над ней, и мне не хотелось бы раньше времени их прерывать Буно полюбовался на красивую разноцветную окружность, выложенную на столе, затем вытащил откуда-то сбоку гибкую металлическую нить

— Медь, — объяснил он мальчику. — Металл богини любви Иштар. Именно медью надо скреплять влюбленных.

Какое-то время он работал молча Конан изо всех сил пытался придумать вопрос, который вновь потянул бы старика за язык, но в голову, как назло, ничего подходящего не приходило. К счастью, Алла больше не вздыхала и не шуршала. Может, она там от страха сознание потеряла?..

Неожиданно старик резко поднялся с места и хлопнул в ладоши. Звук этот, оттолкнувшись от каменных стен, запрыгал, как звонкий мячик.

— Готово! — радостно объявил он. — Ну, разве Буно не молодец? Сотворить Звездное ожерелье всего за пол-ночи!

Он крутанулся на месте, а затем высоко подпрыгнул, зазвенев всеми своими амулетами и побрякушками, словно был не стариком, а расшалившимся мальчишкой. От неожиданности Конан расхохотался.

— Смейся, смейся! — разрешил Буно. — Я хорошо поработал и сейчас я счастливый, ласковый и покладистый.

Он скорчил мальчику рожу и еще раз подпрыгнул. Затем подошел к стене и провел ладонью по полированной поверхности.

— Спасибо, спасибо, добрые мои друзья. Знаешь ли ты, что это за камень? — спросил он Конана.

Тот отрицательно повел головой.

— Это лабрадор, — торжественно объявил старик. — Мой любимый камень. Мой самый старый и самый преданный друг. Душа его глубока, как бездонная пропасть, и высока, как звезды. Благодаря ему претворяю я в жизнь свои самые безумные, самые великолепные замыслы! Он опускает меня на дно самых жутких тайн, и он же уносит меня в ночное небо, когда мне этого захочется. Он мудр, как змея, и коварен, как змея же. Он любит меня, несмотря на свое коварство, жестокость и спящие в нем кошмары Он дает мне силу. Могуществом моего взгляда я во многом обязан этим сине-зеленым переливам.

Буно подошел ближе к мальчику и вперил в него свои полубезумные глаза.

— Встань! — неожиданно громко и резко приказал он.

— Зачем? — удивился Конан.

— Встань! Повелеваю тебе — встань!

Конан почувствовал, что его так и тянет подняться. Он едва не вскочил послушно, как раб или малый ребенок. Отчего-то ему вспомнилось, как мать его, гневно сверкнув глазами, отшвырнула плеть после второго удара. Напрягшись изо всех сил, мальчик остался на месте.

— Но я не могу, — сказал он, как мог жалобнее. — Меня слушаются только шея и пальцы

Буно взглянул на него с подозрением, затем покивал головой.

— Да-да. Яд мой действует очень хорошо. Если б не он, ты сейчас вскочил бы, как верная собачонка на зов хозяина.

Мальчик благоразумно промолчал. Повернув голову, он уткнулся лицом в камень стола, так как глаза его совсем устали от сверкающих наверху бликов. Заметив это, старик горделиво усмехнулся.

— Да, хорошо светят мои камушки! Не хуже солнца Но при этом они гораздо менее капризны и горды, чем это избалованное светило. Помимо того, что светят, они еще просветляют мой ум, позволяют увидеть будущее и отводят занесенную надо мной руку Рока.

Буно самодовольно задрал голову и посмотрел вверх, но тут же нахмурился, словно прочел в искрящихся переливах что-то не слишком приятное. То ли предупреждение, то ли

грозный намек. Он встряхнул головой и провел по глазам ладонью.

— Устал я. Ослепили проклятые камни, и чудится теперь непонятно что Надо пойти отдохнуть, а потом уже докончить начатое. Но посмотри же, мой мальчик, как оно хорошо!

Он взял со стола ожерелье и бросил на грудь мальчика Камни ощутимо ударили его по ребрам, и Конан вздрогнул.

— Смотри, смотри, — повторил Буно. — Любуйся, если у тебя есть глаза!

Мальчик дотронулся до прохладных камней, заигравших под его пальцами. Буно склонился над ним, показывая то на одну, то на другую самоцветную пару. Усталым и ласковым голосом он объяснял:

— Вот твой камень, Конан, камень неистового и отважного Волка — рубин. Поэтому ты будешь носить ожерелье так, чтобы он всегда находился в ямке у основания горла. Тогда твое мужество и твоя ярость в бою никогда не иссякнут. А оно очень и очень может мне пригодиться, твое мужество. Рубин — это даже не камень, это застывшая кровь древних драконов, пролитая ими на заре времен в жестоких схватках друг с другом. Если на пирушке тебя обнесут вином, погляди на рубин — и ты захмелеешь от одного его вида, и станешь веселее прочих.

Рядом с ним изумруды, к которым мне нельзя прикасаться. Обычно они не ладят с рубинами, им не по нутру жестокость и гнев красных камней, но сейчас они ничего не замечают вокруг — ведь они влюблены. На всем белом свете их только двое. А вот топазы — словно сгустки солнечного света, случайно прорвавшиеся под землю и навечно затвердевшие в ней В агаты можно всматриваться бесконечно, пока не устанут глаза, находя в их рисунках то неземные леса, то пенящиеся волны, то тонкие и волнистые женские волосы. А если тебе случится упасть со скалы, имея на шее или груди бирюзу — веселую и ленивую простушку-бирюзу, — камень разобьется на мелкие осколки, ты же останешься невредимым

Старик склонялся все ниже, его бормотание становилось все неразборчивей. От его душного дыхания у мальчика засвербело в носу, и он громко чихнул. Словно очнувшись, Буно выпрямился.

— А ну-ка, привстань, — велел он Конану. — Я одену его на тебя.

Конан потянулся вперед, но, вовремя сообразив, слабо застонал:

— Нет! Все еще не могу.

— Крепкий, крепкий моя яд — пробормотал старик.

Он приподнял затылок мальчика и надел ему на шею ожерелье, плотно закрепив медной нитью. — Это хорошо. Это и для тебя хорошо, мой мальчик. Значит, ты не почувствуешь боли. Будет немного страшно. Немного неприятно, но — не более того. Носи же эти дивные камушки, носи, не снимая. В них теперь твоя жизнь.

Старик подошел к двери, тяжело загребая ногами, и, прежде чем открыть ее, обернулся.

— Я отлучусь ненадолго: пришла пора поискать твоего приятеля. Твои будущие ножки — шесть проворных золотистых ножек. Твою будущую спинку с отличным, вросшим в нее доспехом. Пожалуй, отдыхать я буду потом, когда все будет кончено. Не скучай без меня, мой мальчик.

* * *

Лишь только старик вышел, Конан мгновенно соскочил со стола. Руки и ноги слушались

его, хотя, конечно, и не так быстро и ловко, как прежде. Пожалуй, бежать или драться он еще не мог, но вот идти быстрым шагом — вполне.

Мальчик осторожно приоткрыл дверь, чтобы увидеть, в какую сторону удаляется спина Буно. Затем он вытащил Гэллу из ее ненадежного убежища и подтолкнул к двери. Бедная девушка с трудом распрямилась — так онемели ее мышцы от долгого сидения, скрючившись.

— Скорее! Сейчас он явится обратно вместе с жуком!

Он тянул за собой девушку, громким шепотом кляня ее за глупость и неповоротливость, пока они не свернули в один из неосвещенных тупиков. Здесь он позволил ей и себе остановиться и перевести дух.

— Я так боялся, что ты чихнешь или заворочаешься, — прошептал мальчик. — Проклятый старик — моя бедная голова чуть не лопнула от его разговоров…

— О Конан, — выдохнула Гэлла, и словно теплый ветерок пронесся по его волосам. — Мне было так страшно! Под столом совсем не было места, моя рука или нога все время торчала. Если бы он только догадался обойти вокруг стола. Но какое счастье, что ты уже можешь ходить! Теперь нам бы только разыскать Кевина…

— Кевин нам пока не нужен, — возразил мальчик. — Ты что, не помнишь, как он слушается каждого слова Буно? Шедд — вот кого нужно разыскивать Он проведет нас к расщелине наверху, той самой, в которую я пролезал два раза. Без него я запутаюсь в этих ходах.

— Как?! — Гэлла заморгала часто-часто. — Ты хочешь уйти отсюда без Кевина?.. И это сейчас, когда мы знаем, где прячет Буно искры? Он же сказал, что они в кольце из гранатов, а кольцо где-то на нем… Мы должны найти это кольцо и спасти Кевина и всех остальных!

— Кром! — вздохнул мальчик. — Посмотрел бы я на тебя, когда ты будешь обшаривать Буно, а он при этом будет покорно поворачиваться во все стороны, чтобы тебе было удобнее! Лучше не спорь, а иди за мной молча, как полагается женщине.

Он вышел из прикрытия и, настороженно озираясь, ринулся вперед. Немного помешкав, Гэлла скользнула за ним. Она шла бесшумно, но глубоко и прерывисто дышала, чтобы справиться с обидой. Ее вздохи, укором шелестевшие за его спиной, действовали Конану на нервы.

— А ну-ка, затихни! — сказал он, останавливаясь. — Нечего сопеть и всхлипывать. Нужно прислушаться. Оттуда, где они работают, будет доноситься стук.

Оба затаили дыхание, но вокруг было тихо. Только потрескивали факелы, да шуршали осыпающиеся сверху мелкие камни.

— Сейчас ночь, — прошептала Гэлла. — Все они спят, а не работают.

— Да, пожалуй, еще ночь, — согласился Конан. — Но они не спят по ночам. Они шлифуют камни. Имеет смысл разыскать хотя бы Кевина. Он должен знать, где бывает по ночам Шедд.

— Да-да, разыщем Кевина! — радостно согласилась девушка.

Ход, по которому они шли, становился все уже и ниже. Реже попадались светильники. Конан снял со стены два факела, предусмотрительно погасив один из них.

— Мы прошли много боковых ответвлений, — сказал он. — Придется заглянуть в каждое из них — Кевин или Шедд могут оказаться в любом из них. Впереди мы вряд ли их найдем: дальше становится слишком низко и сыро. Пойдем вбок.

Во всех мальчишеских играх Конан обычно брал на себя роль вожака. Поэтому и здесь, в душной полутьме подземелья, где так легко было заблудиться или попасть под обвал, голос

его звучал с решительными и властными интонациями. Гэлле ничего не оставалось, как покорно подчиняться мальчику.

Едва они свернули в ближайший от них боковой ход, как в ноздри резко ударила густая вонь гниющего мяса.

— Прошу тебя, Конан, давай вернемся! — закашлявшись и зажимая нос, попросила Гэлла. — Здесь не может быть Кевина. Да и Шедда — тоже.

Но мальчик, не слушая ее, шел вперед. Помимо вони он различал еще шорохи, поскрипывания и костяной скрежет. Вскоре факел в его поднятой руке осветил железную решетку с толстыми прутьями. За решеткой шевелилось что-то очень большое и бесформенное.

— Конан! — пискнула за его спиной Гэлла, и пальцы ее, ставшие ледяными от страха, впились ему в плечо.

— Кром! — прошептал мальчик, но в голосе его слышалось куда больше восхищения, чем ужаса.

За решеткой, дробя блики факела, переливалась и искрилась опаловая нора, в которой томилось гигантское насекомое. Должно быть, то была та самая медведка, о которой с такой гордостью рассказывал Буно. Причудливые опалы перемежались полосами гагата и дисками золотистого солнечного камня. Их праздничное великолепие странно и дико контрастировало с ворочающимся чудовищем. Очень отдаленно медведка напоминала коня, закованного со всех сторон в латы, но только длиннее его в два раза.

Когда прошел спазм первого потрясения, Конан шагнул вплотную к решетке и, поводя факелом, осмотрел медведку спереди и с боков.

— Ты только посмотри! — выдохнул он восхищенно. — Ты посмотри, какая у нее броня? А челюсти!

— Я не хочу смотреть, Конан, — жалобно прошептала девушка, по-прежнему прячась за его спиной. — Я не могу смотреть на такое. Заклинаю тебя, уйдем отсюда!

— Подожди, подожди!

Поистине, Буно был прав: это похлеще, чем жук. Когда мальчишкам приходилось находить в земле медведок — обыкновенных маленьких медведок, — мало кто из них осмеливался взять насекомое в руку и рассмотреть, большинство с брезгливыми криками забрасывали его камнями, настолько противен его вид. Круглые глаза без зрачков, похожие на икринки рыб, выступающие вперед хитиновые челюсти, шевелящиеся усы, массивные ноги, похожие одновременно на лопаты и на щетки для разгребания земли, длинное членистое брюшко — все это вместе вызывало отвращение и бессознательный страх даже к существу длиной не больше мальчишеской ладони.

Каково же было видеть все это увеличенным в сотню раз!..

Но в то же время размеры и мощь подземного чудовища не могли не вызывать уважительного восхищения. Гэлла прижалась к спине Конана, и от крупной дрожи, сотрясавшей ее тело, мальчик невольно покачивался.

— Прекрати, Гэлла! — прикрикнул он. — Разве ты не видишь, какая прочная здесь решетка? Она не вырвется.

Рядом с основанием решетки стоял большой деревянный ящик. Именно от него плотной волной исходило зловоние. Посветив факелом, Конан увидел, что ящик был забит доверху тушками кроликов и сурков. По всему было видно, что медведка предпочитала гниющее мясо свежему. Преодолевая брезгливость, мальчик подцепил ножом одну из тушек и просунул ее

сквозь прутья. Костяные челюсти раскрылись и захлопнулись — Конан с трудом сумел выдернуть нож, защелкнутый рядом мелких треугольных зубов.

— Голодная зверюга, — пробормотал он. — Вечно голодная и вечно свирепая, как говорил Буно.

— Да пойдем же, Конан!.. — совсем уже слабым и жалким голосом попросила Гэлла.

Мальчик повернулся к ней и потряс за плечо, чтобы привести в чувство.

— Сейчас мы пойдем, — пообещал он. — Но какая ты странная, Гэлла. В тебе, должно быть, два сердца: сердце кролика и сердце рыси. То ты остаешься на кладбище ночью и лезешь следом за Буно в подземелье, а то падаешь в обморок от одного вида забавной зверюшки…

— Во мне одно сердце — сердце кролика, — вздохнула девушка. — И на кладбище, и в подземелье оно чуть не выскочило у меня из груди, а уж тем более здесь.

Конан снова повернулся к чудовищу. Что-то притягивало его к ужасному творению опалов и не давало расстаться так сразу.

— Послушай-ка, Гэлла, — сказал он вдруг. — Мне сейчас пришла в голову отличная мысль! А что если мы выпустим эту красавицу из клетки и сядем ей на спину? Я серьезно. Не смотри на меня так, иначе твои глаза выпадут из-под бровей и покатятся на пол. Тому, кто сидит на ее спине, она ничего не сможет сделать. Я знаю точно, я ездил на таком же жуке, целых два раза. Ни Буно, ни его рабы не посмеют приблизиться к этому страшилищу, и мы свободно выберемся отсюда. Ну же, Гэлла! Решайся! Видишь, какая длинная у нее спина — там вполне хватит места для двоих!.

Девушка не могла даже вымолвить: «О нет, Конан!», она лишь крупно дрожала и не сводила с него умоляющих, распахнутых глаз.

Воодушевленный своей дерзкой идеей, мальчик продолжал уговаривать ее:

— Это совсем просто, смотри. Я залезу на самый верх решетки, ты отодвинешь засов, а потом выбежишь и спрячешься за поворотом. Когда она проползет подо мной, я вскочу ей на спину. Она такая длинная, что не сможет развернуться и будет ползти лишь в одном направлении. Ты догонишь ее сзади, и я подтяну тебя наверх, Гэлла! Это единственная наша возможность вырваться отсюда! Она выползет наружу, и мы поедем на ней, как подземные короли!..

Поняв, наконец, бесполезность своих уговоров, Конан сплюнул.

— Вот навязалась ты на мою голову!..

Впрочем, он тут же вспомнил, что, не будь Гэллы, голова его лежала бы сейчас на холодной плите лабрадора и, возможно, соединенная уже не с прежним туловищем. Его дремучей душе было ведомо, однако, чувство справедливости, и сейчас оно, заговорив в нем, побудило взять девушку за руку и вывести из зловонного тупика.

Пройдя несколько шагов, Конан выбрал относительно сухое и мягкое от толстого слоя пыли место.

— Давай посидим, Гэлла, — сказал он, опускаясь на землю. — Да перестань ты дрожать! Отдышись! Если бы со мной была моя мать, она не испугалась бы. Она — настоящая киммерийка. А ты… Какой же Кевин дурак, что хотел на тебе жениться.

Гэлла не обиделась Видимо, душевных сил на обиду у нее уже не было. Она глубоко дышала, полузакрыв глаза и опершись затылком о стену. Факел в руке Конана догорал. От последних его искр он зажег второй факел и воткнул его рукоятью в щель между камнями.

Девушка оправилась от потрясения довольно быстро. Лишь только Конан тоже прикрыл

веки и собрался было немного подремать в тиши, как почувствовал на своей шее прикосновение прохладных пальцев. Он открыл глаза и повернул голову.

— О Конан!.. — Гэлла осторожно перебирала камни на Звездном ожерелье. В серых глазах ее, искрящихся не хуже камней, было восхищение. — Неужели Буно подарил тебе это чудо?.. И ему не жалко?..

— Подарил!.. — хмыкнул мальчик. — Еще бы! Да еще сказал, что теперь в нем будет моя жизнь. Ведь оно должно было держать мою голову на теле жука!

— На теле жука? — не поняла девушка.

— Ты что, разве ничего не слышала, когда сидела под столом?!

— Я слышала очень много, Конан… Он так интересно рассказывал о камнях… Но, наверное, я не все поняла, потому что все время думала, как бы не пошевелиться. Я даже сердце свое уговаривала стучать потише, чтобы не услышал Буно

Конан усмехнулся.

— Глупая же ты! — Впрочем, он тут же вспомнил, что зря упрекает девушку: он не рассказывал ей о Шедде, и догадаться, что затеял сотворить с ним старик, Гэлла не могла. — Ну, ладно. Что ты так уставилась на эти камни? Бери их себе, раз они тебе так нравятся.

— Правда, Конан?!.. — Гэлла вспыхнула от радости. — И тебе не жалко отдавать такое чудо?..

— Разве воину подобает носить на шее блестящие камни? Это только старик Буно может обвешивать себя побрякушками, да очень глупые женщины.

Мальчик попытался снять ожерелье, но через голову оно не пролезало.

— Ладно, потом, — сказал он. — Когда мы выберемся отсюда.

— Наверное, я действительно очень глупая, Конан. Но мне трудно отвести от них глаза Двенадцать влюбленных пар. Они теплые, Конан. Они светятся. Они живые. А про детей он ничего не говорил, Конан? У них будут рождаться дети? Если да, то через несколько лет у меня будет много-много таких разноцветных камушков, маленьких и побольше, и совсем больших Я буду дарить их своим детям Я буду одевать их на шею воинам перед битвой, чтобы бирюза и изумруды хранили их от зла, а рубины поддерживали мужество…

* * *

После недолгого отдыха Конан и Гэлла вновь принялись блуждать по сырым подземным лабиринтам, прислушиваясь к каждому стуку и шороху. Несколько раз до них доносились приглушенные голоса, слабые звуки шагов, но, направившись в ту сторону, они натыкались на стену, либо возвращались в тот самый хорошо освещенный проход, где блестела в стене обитая медью дверь.

По словам девушки, от медной двери до выхода на кладбище было совсем близко, шагов тридцать-сорок, но Конан не хотел рисковать. Конечно же, старик не позволит им так легко ускользнуть из его владений. Либо он сам сторожит их у выхода, либо его верные вялые рабы.

Мальчик не терял еще надежды наткнуться на Шедда и с его помощью отыскать спасительную расщелину.

Гэлла начала уставать. Она не жаловалась, но все чаще спотыкалась, то и дело цепляясь за острые выступы породы Конан с факелом шел впереди, и оттого дорога была видна ей намного хуже, чем ему.

Когда Конан совсем было решил остановиться и кое-как переночевать, скорчившись на земле, в одном из глухих тупиков — хотя ночь, несомненно, была уже на исходе, и близился рассвет, — они услышали монотонный ритмичный гул. Пойдя по его направлению, они вскоре увидели провал в каменной толще, светившийся багровыми отблесками горевших где-то внизу факелов. Сделав знак девушке молчать и не трогаться с места, мальчик осторожно подошел к краю провала, встал на колени и заглянул в него. Глазам его предстало довольно большое помещение, почти такое же светлое, как и комната Буно. Такие же прозрачные кристаллы на потолке умножали свет нескольких факелов, дробили их тусклое сияние на тысячи веселых искр. Пол был усыпан множеством необработанных самоцветов. Прямо на каменном полу, не подстелив даже шкур, сидели на корточках, либо стояли на коленях полуголые мертвые воины. Руки их монотонно шлифовали на кожаных кругах кристаллы, а губы выводили столь же монотонную и унылую, и, по-видимому, бесконечную песню. Головы их мерно покачивались, как у пашущих в ярме волов. Одни голоса, безжизненные, шелестящие, как сухой песок, стихали, другие тут же подхватывали

Будет камень чист, как слеза,

Будет камень весел, как солнце,

Будет камень тверд, как надежда.

Будет, будет, будет…

Возьми свой камень — верни мою рушу,

Возьми свой камень — верни мое сердце,

Возьми свой камень — верни мое солнце.

Верни же, верни, верни…

Кевин пел и работал вместе со всеми. Голова его была низко опущена, из глаз струились слезы — видимо, от слишком яркого сияния хрусталей, от слишком острых искр голубого камня, который он, шлифуя, медленно перекатывал в пальцах.

Кричите, камни, ведь мы вас режем,

Кричите, камни, ведь мы вас колем,

Кричите, камни, ведь мы пытаем.

Кричите, кричите, камни…

— Что там, Конан? — спросила изнывающая от любопытства Гэлла.

Мальчик подвинулся и дал ей заглянуть в пролом, предварительно смерив ее строгим взглядом и прижав к губам палец.

— Там Кевин! — воскликнула девушка.

Невзирая на предостережения Конана, она громко закричала:

«Кевин! Кевин!»

Конан заткнул ей ладонью рот, но было поздно. Кевин оторвал голову от своего камня. Сквозь пелену слез и чад факелов он пытался рассмотреть, откуда донесся зов. Наконец он заметил пролом в углу потолка, в котором белели чьи-то лица. Он медленно подошел к нему и задрал голову.

— Это ты, Конан? — спросил он. — Я плохо вижу. Ответь мне.

— Это я, я! — откликнулся мальчик. — Скажи мне, только поскорее: где твой отец? Где Шедд?.

— Кевин! — снова подала голос девушка. — А разве меня ты не видишь? Это я, Галла.

— Гэлла? — переспросил Кевин, всматриваясь вверх.

Он протер воспаленные веки и снова спросил без всякого выражения:

— Гэлла? Зачем ты здесь? Зачем ты привел ее, Конан?

— Как бы не так! «Привел»! Она сама сюда залезла следом за Буно, — ответил мальчик. — Если мы не найдем Шедда, мы пропали. Без него я не смогу отыскать ту расщелину, в которую пролезал сюда два раза. Я бы попросил об этом тебя, Кевин, но, сам понимаешь, ты уже два раза здорово подводил меня. Третьего я не хочу!

— Шедд вам не поможет, — сказал Кевин. — Буно завалил ту расщелину огромными камнями. Есть только один выход отсюда. Но его сторожит Браг. Он не выпустит, Буно приказал ему. Буно приказал нам тоже — поймать тебя, как только увидим, или услышим.

— Ты ловил меня уже целых два раза! — усмехнулся Конан. — Попробуй еще разок!

Он спустил в провал одну ногу и, дразня, покачал ею. Кевин шагнул вперед и выбросил руки, но нога мгновенно убралась назад. Конан расхохотался.

— О, Кевин! — воскликнула Гэлла с горечью.

— Ты не забыл, Кевин, что Гэлла когда-то была твоей невестой — спросил мальчик. — Ее ты тоже хочешь схватить и услужливо притащить к Буно?.

— Про Гэллу он не говорил, — ответил Кевин. В его бесстрастном голосе, казалось, появились нотки растерянности. — Он не знает, что Гэлла здесь. Пусть она уходит.

— Кевин! — ворвалась в их разговор девушка. Голос ее дрожал. — Это же я, Кевин! Вспомни меня.

— Я помню, — ответил Кевин, словно один песчаный холм отозвался другому.

Конан не успел даже пошевельнуться, как Гэлла проскользнула своим гибким телом в пролом и спрыгнула.

Она бросилась к Кевину и обняла его, заглядывая в глаза.

— Вспомни, вспомни меня, Кевин! Очнись же! Проснись!.

— Я помню, помню, помню… — тоскливо повторял Кевин, пытаясь освободиться из

кольца ее рук.

— Да перестань же ты, — не выдержал Конан. Он предусмотрительно оставался наверху, готовый в любой момент вскочить и унестись прочь. — Я ведь тебе говорил, что тебя не обрадует встреча с ним! Ты мне не верила? Любуйся теперь! Пойми же, глупая девчонка: это не Кевин. Кевина больше нет. Зачем ты трясешь его и целуешь?.. Он не проснется.

— Неправда! — всхлипывала Гэлла. — Он плачет! Он вспомнил меня!..

— Он плачет, потому что камни слепят ему глаза! — не унимался Конан. — Ты и не так заплачешь, если будешь шлифовать их всю ночь. Оставь его, Гэлла!

— Оставь меня, Гэлла, — повторил за ним Кевин. — Я помню, помню. Уходи, Гэлла. Скоро придет Буно. Уходи, пока он не увидел тебя.

— Да, да, уходи скорее! — поддержал его сверху Конан. — Браг пропустит тебя. Ведь Буно велел ему изловить меня, а про тебя он еще не знает! Ты проводишь ее до выхода, Кевин?

— Я провожу ее, — отозвался Кевин.

Он взял девушку за руку и потянул к дверям.

— Но ведь я не для того сюда… Но ведь искры жизни… Кевин, мы знаем теперь, где они… О, не тащи же меня, Кевин! — сопротивлялась она.

Не глядя на нее и угрюмо набычившись, он продолжал тянуть ее к выходу. Справиться с ним Гэлла не могла и только жалобно оглядывалась на Копана, который делал ей отчаянные знаки, чтобы она не шумела.

«Вот глупая девчонка! Отчего она так вопит?! — сокрушался про себя мальчик. — Ведь Буно сейчас выползет на ее крики, и она пропала. Где была моя голова, когда я доверил ее Кевину? Ведь стоит только старику „приказать“.

Он с досадой ударил себя по колену. Придется, видимо, немедленно бежать за ними. Только бы не опоздать! Поколебавшись немного, Конан тоже спрыгнул в пролом и проскользнул мимо рабов, стараясь быть как можно незаметнее. Но те даже не повернули голов в его сторону, продолжая все так же шуршать по камням кожей, низко гудя не имеющую конца песню:

Будите, камни, подземных духов,

Будите, камни, детей Нергала,

Будите, камни, пусть все погибнет,

Рухнет, рухнет, рухнет…

Оставив за собой сверкающее всеми цветами радуги, но при этом безмерно гнетущее помещение, Конан вышел в главный подземный проход и собирался уже в три прыжка догнать маячащие впереди него спины Гэллы и Кевина. Девушка продолжала уговаривать бывшего жениха и сопротивляться, и каждое ее слово отчетливо звенело под узкими каменными сводами. В десятый раз помянув недобрым словом ее глупость и безрассудство,

мальчик рванулся было вперед, но тут же осадил себя.

Поздно! Проклятый старик услышал-таки ее вопли и, приоткрыв обитую медью дверь, всматривался в приближающиеся фигуры.

Пока Буно не успел заметить его, Конан отбежал на несколько шагов назад и затаился в одном из тупиковых поворотов. Ему было слышно каждое их слово.

Разглядев, кого подталкивал и тянул Кевин, старик расхохотался, с противными всхлипываниями и повизгиваниями, словно ему выпала совсем уж невероятная радость.

— Неужели мои старые глаза не врут?! Ты ли это, Гэлла?. Вот так подарок! Такая нежная, такая маленькая девочка, и вдруг среди этих сырых камней? Давно мне не выпадало такой удачи!

Гэлла молчала и лишь переводила расширившиеся глаза с неподвижного лица Кевина на кривляющееся личико старика и обратно.

— Ты смелая, моя девочка! О, ты очень смелая, раз сумела пробраться сюда! Неужели ты следила за мной с самого кладбища? Ты самая-самая смелая из всех юных и хорошеньких девушек, которых я знаю! А мне очень нужны отважные и смелые. Ах, что за подарок вручаешь ты мне, друг мой Кевин!

— Я не вручаю, я провожаю ее до выхода, — сказал Кевин, и Конану почудилось что-то человеческое в его голосе.

— Провожаешь? — удивился старик. — Но кто тебе велел ее провожать?

— Мне велел Конан. Пропусти нас, Буно. Дай нам пройти. Она не найдет без меня выхода.

— С каких это пор ты слушаешься приказов Конана?! — еще больше удивился старик. — Я приказал тебе найти и схватить мальчишку. Если он не дастся живым, убить его! Ты меня понял? А девушку проведи ко мне и оставь ее там.

— О, Кевин! Умоляю тебя! — вскрикнула Гэлла.

Голос ее был таким жалобным и отчаянным, что Конан в своем укрытии скрипнул зубами от бессилия и крепко прикусил себе ладонь.

— Гэлла хочет домой, — тоскливо возразил Кевин. — Ей страшно. Я провожу ее к выходу.

Наступило молчание. Такое гнетущее и тягостное, какое бывает только перед чем-то совсем ужасным.

— Ты будешь слушаться меня, Кевин, — наконец, произнес Буно, сухо, безжизненно и размеренно. — Ты будешь слушаться меня и только меня. Сейчас ты отведешь девушку ко мне и хорошенько свяжешь ей руки и ноги. Потом изловишь мальчишку. Иди же.

Послышался звук открываемой и закрываемой двери. Потом все стихло.

Спустя недолгое время дверь снова открылась, и Кевин, тяжело шаркая ногами, прошел обратно, в ту сторону, где тянули шелестящую песню его мертвые товарищи. Он едва не задел плечом Конана, высунувшегося из своего укрытия, но был так погружен в невидимую никому пустоту в собственной грудной клетке, что ничего не заметил.

* * *

Времени на долгие раздумья у Конана не оставалось. Да и выбирать ему особенно было не из чего. Идти вперед, к выходу, нельзя. Выход сторожит Браг, человек-скала это не Кевин и

даже не Сангур, из его мощных лап не вырвешься. Расщелина, манящая голубым небом, завалена камнями. С Гэллой, глупой, как все девчонки, и отчаянной, как ни одна из них, в скором времени случится что-то совсем нехорошее — даже думать не хочется о том, что именно собирается сделать со своей пленницей Буно.

Подождав, пока стихнут звуки стариковских шагов Кевина, мальчик помчался назад, в сырость и тьму сужающихся подземных ходов. Он хорошо запомнил поворот в тот тупик, где шуршало и скрипело членистым брюхом по отшлифованным камням выращенное опалами чудовище. Ударившее в нос зловоние сказало ему, что он не ошибся и свернул в нужном месте.

Одной рукой зажав себе нос, Конан прежде всего разбросал гниющие тушки на расстоянии пяти шагов одна от другой, чтобы медведка свернула в нужную сторону и поползла к выходу, а не в глубь земли. Когда кончилась последняя тушка, он вытер руки о стены и подошел к решетке. Морда медведки, словно выплывшая из самого кошмарного сна, была прямо перед ним, но смотрит ли она в упор на мальчика, либо вовсе его не видит, понять было невозможно. Глаза-икринки, покачивающиеся на двух стебельках, как у рака, не имели зрачков, и нельзя было определить направление их взгляда. Челюсти, похожие на сооружение из нескольких ржавых лопат, двигались из стороны в сторону с жестяным треском.

— Ну что, красавица? — кивнул ей Конан.

Он старался говорить громко и звонко, чтобы заглушить неприятно ворочающееся в груди чувство страха.

— Застоялась здесь?.. Сейчас побегаешь! Сейчас разомнешь все шесть своих хорошеньких резвых ножек!

Конан отодвинул засов и с трудом приоткрыл тяжелую решетчатую дверь. Помедлив, словно прикидывая, стоит ли покидать свою красивую, искрящуюся всеми цветами клетку, чудовище медленно двинулось вперед. Когти на передних лапах царапали каменный пол, хитиновые покровы на боках, задевая о стены, грохотали, словно железные. Нагнувшись, медведка подобрала с пола первую тушку, и челюсти ее клацнули и задвигались быстрее.

Не сводя с нее глаз, мальчик пятился назад, в одной руке держа факел, другой нащупывая на поясе нож. Почувствовав за спиной поворот, он прошел несколько шагов в глубь подземелья и прижался к стене.

Чудовище было таким громоздким и длинным, что, дойдя до выхода из тупика, не могло развернуться. Нижняя часть туловища застревала в недостаточно широком проходе. Хитиновые доспехи скрежетали, высекая из камня синие искры. Отвратительно запахло чем-то, напоминающим паленые волосы. От тщетных усилий протиснуться и дотянуться до соблазнительной тушки медведка вдруг не то замычала, не то завыла. От замогильных этих звуков по спине Конана прокатилась ледяная волна.

— Ну, давай же! — прикрикнул он на нее, разозлившись на себя за свой испуг. — Ну, протискивай свое толстое брюхо! Поднажми! Постарайся!..

Брюхо у медведки было вовсе не толстым, скорее, обвислым и волочащимся по земле. Как видно, Буно не слишком сытно кормил своего любимого зверька». Мешало пролезть не брюхо, членистое и подвижное, а жесткие хитиновые надкрылья. Конан подошел к чудовищу вплотную, напрягшись от азарта и страха. Одна из скребущих по земле лап едва не задела когтями его босые ступни. Примерившись, мальчик уперся на миг ногой в жесткое и острое сочленение и ловко забросил свое тело на длинную спину. Скользкий коричневый покров на

хребте насекомого напоминал кожаное седло. Отбросив факел, Конан двумя руками схватился за шевелящиеся усы, похожие на голые, без коры, гибкие прутья деревьев. Он крепко сжал их ладонями и потянул на себя, словно поводья. Медведка задрала голову и снова замычала.

— А ну, пошла! — прикрикнул на нее мальчик и еще сильнее натянул поводья-усы. — Вперед, моя лошадка!

То ли от боли, то ли от изумления медведка рванулась вперед с удесятеренной силой и, расцарапав надкрылья о стены, вырвалась, наконец, в проход.

— Молодец, молодец, коняга! — похвалил ее Конан, пошлепав ладонями по спине. — Вперед!

Медведка поползла, со скрежетом и подвыванием. Нагнув голову, она хотела было подхватить валявшуюся на пути тушку, но мальчик дернул ее за усы и заставил оторваться от лакомства.

— Погоди, зверюга! Ты мне нужна голодной и свирепой! Если будешь меня слушаться, скоро закусишь своим хозяином!

Неуклюже, но довольно быстро для своего веса медведка продвигалась вперед. Когда до обитой медью двери осталось шагов десять, Конан изо всех сил потянул за усы.

— Стой! А ну стой, слышишь?!

Не сразу поняв, чего от нее хотят, медведка вновь громко взвыла, затем остановилась. Буно не мог не услышать этого воя даже за медной дверью. Мальчик видел, как изменился в лице выглянувший в проход старик.

Конан расхохотался, вызвав звонкое эхо.

— Где Гэлла? — громко и дерзко спросил он. — Живо отпусти ее наверх! Иначе моя некормленная лошадка быстро тебя растерзает!

Но старик растерялся лишь в первый момент. Опомнившись, он закричал, властно и пронзительно:

— Эй, все сюда, верные мои ребятки! Быстрее! Да прихватите с собой луки со стрелами!

Мальчик, заслышав за собой топот множества ног, оглянулся. Послушные рабы теснились в проходе, почти наступая на подрагивающие лопасти раздвоенного хвоста медведки. Один из них, кажется, Сангур, держал в руке лук. Ни страха, ни даже удивления не было в их лицах, словно гигантские чудовища попадались им на глаза ежедневно.

Буно торжествующе рассмеялся и подмигнул Конану.

— Моих ребяток не так-то легко испугать, мой мальчик. Они ведь знают — что бы ни случилось, я заштопаю их снова. Мои замечательные, мои верные рабы никогда и ничего не боятся. А ну-ка, мальчики! Ну-ка, Сангур, подстрели мне этого выскочку! Только, умоляю тебя, не в голову! Голова его мне еще пригодится!..

Прежде чем Сангур успел выпустить стрелу, Конан низко пригнулся, почти распластавшись на гладкой спине, и ослабил хватку усов. Медведка поползла вперед.

Буно быстро захлопнул дверь и исчез в своей каморке.

— Скорее! — погонял мальчик своего нерасторопного скакуна. — Кром!.. Скорее!

Он услышал, как стрела просвистела над ним совсем близко, едва не задев позвоночник. Следом за ней вторая выдрала клок волос над правым ухом. К счастью, медведка увеличила скорость, понукаемая криками Конана, а также свистящими стрелами. Большинство из них отскакивали от ее хитиновых доспехов, но одна или две впились в незащищенные щели между щетинами на брюхе. Сангур и прочие рабы не стали догонять Конана, а остались на

прежнем месте, поскольку не получили соответствующего приказа. Охранявший пролом в скале богатырь Браг, увидев мчащееся на него чудовище, вжался в стену, подобрав живот. Медведка пронеслась мимо, не задев его, и вылетела на зеленую ложбину кладбища, словно ошпаренный барсук из своей норы.

Свежий ветер ворвался в уставшие от подземной затхлости легкие мальчика. Конан несколько раз глубоко вздохнул. У него мелькнула соблазнительная мысль двинуться прямо в селение, хохоча и покрикивая, чтобы все расступались с дороги. Все упадут от страха и изумления, даже старый Меттинг! Но тут же, со вздохом, он прогнал от себя эту ослепительную идею. Как ни противно и ни уныло, но придется еще раз заглянуть во владения Буно.

Дергая за усы, крича и колотя в бока пятками, Конан заставил медведку развернуться. Она не сразу поняла, чего от нее требуют, и какое-то время кружила на месте, пропахивая в земле огромные борозды всеми шестью лапами и хвостом. Не раз мальчик чуть было не слетал со скользкой спины. Он балансировал локтями, упирался в твердые бока коленями, и, наконец, старания его увенчались успехом. Догадавшись, что ей нужно вернуться в черный провал, из которого она только что вылетела, медведка с готовностью устремилась туда, так как яркий свет наводил на нее страх и растерянность.

Браг на этот раз уже не стал вжиматься в стену, а побежал впереди чудовища. Впрочем, спасался он довольно спокойно и неспешно, без каких-либо признаков па-

— А ну, поддай, Браг! А то догоним! — весело покрикивал Конан.

Езда на скрежещущем и воющем скакуне приятно возбуждала его. Хотелось размахивать руками, подскакивать и беспричинно смеяться.

Браг добежал до молчаливой толпы остальных рабов, и все они, не сговариваясь, развернулись и устремились вперед, в глубину подземелий.

Мальчик не без сожаления спрыгнул со спины своей лошадки, лишь только они поравнялись с медной дверью.

Медведка, взмахнув освобожденными усами, заспешила вперед еще быстрее. Рабы убегали от нее, но в полном молчании, без криков или проклятий.

Конан рывком распахнул медную дверь, ввалился в комнату и обвел ее разгоряченным взглядом. Грудь его тяжело вздымалась от недавней скачки, лицо горело. Он бросился к Гэлле, ничком лежащей на лабрадоровом столе, и ножом перерезал ей путы на руках и лодыжках. Он сделал это так быстро, что Буно успел за это время лишь оторваться от своих камней и привстать из-за стола. Крепко сжав в ладони нож, мальчик шагнул к нему и замахнулся.

На счету Конана было несколько оленей, пара кабанов и один медведь Ни разу еще не поднимал он руку на человека. Что ж, пусть это будет первый! Да и разве можно назвать гнусного колдуна человеком?.

— А ну-ка, брось нож, мой мальчик! — отчетливо произнес Буно.

Голос его был спокойным и тихим. Светлые глаза впились в зрачки взъерошенного противника. Конан хотел было презрительно рассмеяться, но смех застрял у него в горле.

— Брось свое оружие, — повторил старик.

Мальчик помотал головой. Он хотел отвернуться, но не мог. Хотел зажмуриться, но веки не повиновались ему. Глаза старика приказывали, давили, лишали сил. Мышцы правой ладони сами собой стали расслабляться. Еще миг — и оружие его со звоном покатится на пол, а Конан перестанет отличаться от послушного Кевина Темно-переливчатый лабрадор со

стен, стола и пола помогал своему хозяину, усиливая его взгляд и превращая в существо нечеловеческой мощи.

— Гэлла! — с великим усилием разжав губы, выдохнул мальчик. — Уходи отсюда быстро за дверью никого нет. Возвращайся домой.

Гэлла зашевелилась. Старик перевел свои яростные зрачки в ее сторону.

— Сиди, где сидишь! — приказал он. Девушка замерла. Но за этот миг, что глаза колдуна были оторваны от глаз Копана, мальчик вышел из оцепенения. Сжав нож с такой силой, что заболела рука, он бросился на Буно. Тот ловко увернулся и перехватил руку Копана, вновь впившись в него приказывающим взглядом.

— Беги, Гэлла! Уходи, пока я держу его! — закричал мальчик, с тоской чувствуя, как опять все размягчается и застывает в нем под властными токами из зрачков старика.

Девушка подскочила к двери. Поняв, что с помощью взгляда с двоими ему не справиться, Буно изменил тактику. Он неожиданно и очень сильно оттолкнул мальчика, так что тот упал и ударился затылком о стол. В тот же миг он рванулся к двери и вцепился в Гэллу, готовясь вместе с ней унестись прочь. Но, раскрыв дверь, Буно наткнулся на неожиданное препятствие и отступил назад.

Конан, с трудом приподнявшийся и ощупывающий голову, которая гудела, как медный щит от удара меча, услышал слабый и сдавленный от ужаса вскрик Гэллы.

В дверях, подергивая блестящей малиновой кожей на жутком теле, стоял Шедд. Его укоризненно покачивающаяся голова была на уровне груди старика.

— С дороги, раб! — приказал Буно. — Убирайся прочь, земляной червь!..

— Я не раб! — возразил Шедд. — Ты забыл, Буно. До сих пор я помогал тебе, и помогал добровольно.

— О, Шедд! Как вовремя ты появился! — радостно воскликнул Конан.

Старик отпустил девушку и бросился на Шедда. В руке его сверкнуло что-то красное и острое. Словно гигантский питон, Шедд обвил ноги и торс Буно своим длинным туловищем и, напрягая кольца мускулов, сдавливал его бока и грудную клетку. Старик взмахивал правой рукой с зажатым в ней остро граненым рубином.

От каждого взмаха густая коричневая кровь толчками вырывалась из обхватившего его, затвердевшего от усилий тела…

Шедд смеялся. Глаза его искрились и казались хмельными. Словно Буно не ранил его, а щекотал.

Растерявшийся в первый момент, мальчик бросился ему на помощь Он подскочил сзади и схватил руку старика, наносящую удары. Острый рубин выпал и покатился по полу. От страшного давления на грудную клетку глаза колдуна закатились, все тело обмякло. Буно потерял сознание.

Шедд разжал кольца своих мускулов. Тщедушное тело повалилось навзничь, стуча амулетами и перстнями. Конан тут же подскочил к нему и крепко связал ремнями, сорванными с его же одежды.

— Займись пока ранами Шедда! — велел он Гэлле, все это время пребывавшей в испуганной окаменелости.

— Шедд, Шедд! Какой же ты молодец! — радостно-возбужденно повторял мальчик. — Как я искал тебя! Облазил все ваши лабиринты Мы бродили с Гэллой всю ночь. Помнишь, ты назвал меня клятвопреступником? Но я выполнил свою клятву! Вместе с тобой, Шедд! Взгляни на эту связанную дохлятину?..

Напоследок Конан оторвал полосу ткани от одежды старика и тщательно завязал ему глаза.

— Посмотрим, как теперь ты будешь приказывать своими ядовитыми буркалами!..

Вновь повернувшись к Шедду, мальчик увидел, что тот лежит на полу, перегородив дверной проем своим уродливым телом. Кровь продолжала сочиться из многочисленных колотых и резаных ран. Звездное ожерелье, видимо, порванное кинжалом Буно, рассыпалось. Многоцветные камушки блестели попарно на полу, перепачканные кровью и пылью.

— Что же ты смотришь! — набросился Конан на Гэллу. — Ждешь, пока он совсем истечет кровью?!

В руках у девушки были приготовленные длинные полосы ткани, но она, видимо, никак не могла заставить себя прикоснуться к малиновой коже Конан сердито вырвал ткань из ее пальцев.

— Не ругай девушку, Конан! — попросил Шедд.

Лицо его побледнело, глаза были полуприкрыты от слабости, но он улыбался. Улыбка его была такой же мягко-усмешливой и озорной, как в прежние времена. Шедд-балагур, Шедд-весельчак слегка подмигнул мальчику.

— Она не грохнулась в обморок при виде меня и не превратилась от страха в камень — уже здорово. Значит, в груди ее отважное и крепкое сердечко.

— Это же Шедд, дурочка, — проворчал Конан, обращаясь к Гэлле. — Это старина Шедд! Он только что спас нас, между прочим. Он встал на колени перед Шеддом и принялся перевязывать его раны.

— О, прости меня, Шедд! — прошептала девушка. Голос ее дрожал, хотя она изо всех сил старалась говорить твердо. — Сейчас я перевяжу тебя. Отойди же, Конан, дай мне это сделать…

— Ни в коем случае! — мотнул головой Шедд, так что повязка, кое-как наложенная Копаном, сползла, и раны снова открылись. — Упаси тебя Кром подходить и дотрагиваться до меня. Таким большим и красивым глазам не следует смотреть на уродство. Отвернись, моя милая, чтобы сны твои были всегда спокойны и кошмары не мучили тебя

Мальчик вновь закрепил повязку на прежнем месте. Усмехнувшись, Шедд напряг свои кольцеообразные мышцы, и ткань лопнула. Кровь заструилась сильнее.

— Ну, зачем ты так, Шедд! — огорченно воскликнул Конан. — Я еле-еле ее закрепил…

— Оставь, мой мальчик! Я буду срывать ее снова и снова.

Конан вспомнил, что Шедд не сможет жить без своего ожерелья. Он быстро собрал с пола камушки и попытался сцепить их между собой. Но это оказалось непростым делом. Медная нить не гнулась, камни не слушались и рассыпались. Вспомнив, что точно такое же ожерелье висит на его шее, мальчик попытался снять его, но застежка оказалась прочной.

— Задница Крома! — выругался он. — Помоги же мне, Гэлла! Нельзя терять времени! Он уходит.

— Я ухожу, ты верно сказал! — откликнулся Шедд. — Оставь же свои камни. Мне они не понадобятся. Лучше подари их девушке.

— Но почему, почему?! — закричал Конан. — Он изранил тебя не так уж сильно. Ты выздоровеешь|

— Неужели это нужно объяснять? — спросил Шедд.

Губы его посинели от потери крови, но прежнее, чуть хмельное веселье плескалось в глазах — Буно оказал мне большую услугу своим острым камушком! Я благодарен ему. Разве

я мог бы выйти отсюда с вами в таком виде?. Гэлла, отважная девочка, едва не умерла от страхапри виде меня

— Неправда! Я только в первый момент! — пискнула Гэлла.

— Что же говорить о других? — продолжал Шедд. — Не мешай же мне, Конан, мальчик мой, если тебе хоть немного дорог твой старый и беспутный дядя Шедд

— Другие привыкнут к тебе, Шедд! — умоляюще воскликнула Гэлла. — Они быстро привыкнут! Как я. Вот смотри, мне уже совсем не страшно.

Она присела перед ним на корточки и погладила его подрагивающую от предсмертных страданий кожу, провела ладонью по щеке, убрала со лба волосы.

— О нет, не уговаривай меня, добрая девочка. Я так решил. Разве я раб, а не свободный человек? Разве не могу я свободно уйти, если мне этого хочется? Полгода я мечтал только об этом миге. Вот только жаль, что не смогу с Кевином хотя бы два слова

— Оставь его, Гэлла! — неожиданно резко крикнул Конан. — Не трогай его! Лучше помоги мне, быстрее. Ты успеешь увидеться с Кевином! — пообещал он Шедду.

Тот благодарно улыбнулся ему, вздохнул и прикрыл веки. Крупная предсмертная испарина блестела на его лбу.

* * *

Лишь только маленькие руки стали обшаривать его, Буно очнулся. Он закряхтел и заворочался, пытаясь сорвать путы, а убедившись в тщетности своих усилий, умоляюще взвыл:

— О, развяжите, развяжите же меня! Выпустите!.. Я расплачусь с вами! Я отблагодарю вас!

— Не сомневаюсь, что попытаешься, — пробормотал мальчик.

Он перевернул старика на живот и попытался стащить перстни, которыми были унизаны его пальцы. Но распухшие старческие суставы не позволяли этого.

— Кром! Придется отрезать их ножом, вместе с пальцами!

— Не надо, не надо ножом, мальчик мой! — запричитал Буно, извиваясь всем телом. — Разве ты не видишь: среди них нет гранатового кольца! Там только нефрит, лазурит и сердолик!..

— А где же оно? — сурово спросил. Конан.

— Я отдам, я отдам! Только развяжите меня!

— Нет, лучше я примусь за пальцы, — мальчик потянулся за своим ножом.

— Погоди, Конан! — остановила его Гэлла. — Из его рассказов я поняла, что гранатовое кольцо совсем другое. Оно не может быть на пальце

— Не может, не может! — согласно закряхтел старик.

Конан перевернул колдуна на спину и принялся рассматривать висящие на его груди костяные и каменные амулеты.

— А это что? — Гэлла потянула за ожерелье из перьев ворона, плотно прилегающих друг к другу и охватывающих основание шеи.

— А, это птичье!.. — отмахнулся мальчик, но тут же запнулся.

Перья прикрывали кольцо из темно-красных камней, поблескивающее на черном шнурке. Разрезав шнурок, Конан взял его неуклюжими от волнения пальцами.

— Похоже, эта штука нам и нужна.

Буно заскрипел зубами и забился головой о плиты пола.

— Осторожнее, Конан, — боязливо попросила Гэлла. — Эти камни очень опасны!

На ощупь кольцо было теплым, даже горячим. Заостренные зубья кристаллов, обращенные внутрь окружности, багрово светились, словно раскаленный металл.

— Они пылают от ненависти… — прошептала девушка, рассматривающая камни из-за плеча Конан. — О, как же сильно они ненавидят!..

Конан попробовал осторожно продеть указательный палец в отверстие. Но лишь только кончик пальца приблизился к одному из раскаленных зубьев, как его пронзила резкая боль

— Проклятье! — на пальце выступил пузырь от ожога. Багровое сияние стало ярче.

Буно захохотал, хотя и не мог видеть того, что произошло, из-за повязки на глазах

— Сунь туда еще что-нибудь, мой мальчик! Сунь туда свой язычок!.. О, как умеют ненавидеть мои славные камушки… Развяжите же меня, глупцы. Без меня вы не сумеете с ними справиться, и только погибнете зря или покалечитесь!

— Надо расколоть эту штуку, — сказал Конан, не обращая внимания на вопли старика.

Поискав глазами, он выбрал самый большой кристалл из валявшихся на полу и три раза сильно ударил им по кольцу. Но оно даже не треснуло. Кристалл же после третьего удара зашипел, как живой, покрылся мелкими трещинами и рассыпался.

Старик чуть не захлебнулся смехом.

— О, глупцы! Вы хотите уничтожить ненависть ненавистью! Но от этого они лишь станут сильнее. Развяжите же меня! Без меня у вас ничего не получится!..

— Может, и правда развязать его? — спросила Гэлла, с сомнением глядя на дергающегося на каменных плитах колдуна. — Ведь он прах без него мы ничего не сумеем. А времени мало. Ведь Шедд он может уже скоро…

— Хорошо! — Конан кивнул и обратился к Буно — Скажи нам, как выпустить искры жизни, и мы развяжем тебя!

— О, вы обманете, обманете меня! — запричитал старик. — Отпустите меня прежде! Я клянусь вам, что сам выпущу искры на волю. Я клянусь, что хорошо награжу вас. Так награжу, как ни один король не смог бы вознаградить своих самых верных слуг… Помнишь, Конан, ты спрашивал меня о Короне Бесстрастия?.. Чтобы ее создать, нужно собрать ровно сорок сапфиров. Голубых звездчатых сапфиров самой чистой воды. Сапфир — камень бесстрастия и созерцания. Он никогда никого не любит и не ненавидит. Он спокоен, как голубое небо в ясный полдень. Если носить корону из сорока сапфиров, ни один враг никогда не сумеет тебя поразить. Ни враг, ни болезнь, ни старость, ни сама смерть. Бесстрастные камни оградят и защитят тебя от всего на свете. Конан! Если ты отпустишь меня, я клянусь, что сделаю две такие короны — тебе и мне. Девятнадцать из сорока камней уже найдено и отшлифовано. Придется потрудиться, но я сделаю!.. Ты станешь великим и непобедимым, Конан! Не будет тебе равных никого в целой Хайбории!.. Отпусти же меня. Ты видишь кристаллы на моем столе — там уже есть девятнадцать, прозрачных, как ледяное озеро высоко в горах… Решайся же! Иначе ты будешь жалеть и проклинать себя всю жизнь, Конан!

— Я и так стану великим, если только захочу! — запальчиво ответил ему мальчик. — Без всякой твоей короны, И с кольцом твоим я справлюсь

Он подошел к столу и склонился над искрящейся самоцветной грудой.

— Что ты хочешь найти, Конан? — спросила его, подходя и тоже всматриваясь в разноцветные переливы, Гэлла.

— Эти камни, как люди, — ответил он. — Пусть они разберутся между собой. Должен же найтись кто-то, кто будет сильнее этих проклятых злобных гранатов.

— Посмотри! — Девушка держала в ладони, восхищенно разглядывая, красивый голубой кристалл. В центре него мерцала золотая шестиконечная звезда. — Это не о нем ли говорил Буно? Бесстрастный и созерцательный. Никого не любит, не ненавидит, не боится

— Дай-ка сюда! — Конан взял у нее камень и посмотрел на свет.

Подобной прозрачности, покоя и красоты ему прежде видеть не доводилось.

— Можно, я возьму его себе, Конан? — прошептала девушка.

— Можно, — разрешил он. — Но только прежде я попрошу его кое о чем.

Мальчик поднес сапфир к багровому кольцу и осторожно продел в отверстие между злобно горящими зубьями. Огоньки запылали ярче. Кольцо раскалилось так, что он едва удерживал его в пальцах.

— О Конан! — сокрушенно вздохнула за его плечом Гэлла. — Он же расколется! Погубить такой дивный камень!

Конан ожидал того же. Он зажмурился, чтобы осколок ненароком не попал ему в глаз. Запахло чем-то резким и яростным. Раздался сильный треск.

— Конан! — крикнула Гэлла.

Но крик ее был не испуганным, а радостным. Открыв глаза, мальчик увидел, что голубой камень по-прежнему цел и бесстрастен. Лишь золотая искра светилась чуть по-иному. Кольцо же рассыпалось на девять узких дымящихся кристаллов.

— Вот и все, — выдохнул мальчик.

Он повернулся к Шедду. Тот лежал без движения, но судя по трепету ноздрей, дыхание его еще не покинуло.

— Продержись еще немного, Шедд, — попросил его Конан. — Совсем чуть-чуть!

Шедд с трудом приподнял веки. Глаза его уже почти не принадлежали этому миру, взгляд плавал далеко-далеко. Но он сделал усилие и вернулся. И ободряюще подмигнул мальчику.

— Последний недоумок! — внезапно вскричал Конан и хлопнул себя по лбу. — Ведь за ними же понеслась медведка!

* * *

— Конан! Это Конан! Сын кузнеца Ниала. Здравствуй, Конан! Ну и лихой же ты парень, Конан!

Грубые натруженные руки шлепали его по спине, по плечам, ощупывали недоверчиво, словно стремясь удостовериться, что это живой мальчик, а не призрачное видение. Возбужденно-радостные лица светились вокруг, голоса гудели, перебивая друг друга.

— Гэлла! Глядите-ка, это же Гэлла! Как она-то очутилась здесь?! Вот это девушка!..

К ней тоже тянулись руки, чтобы обнять и похлопать по спине, но Кевин быстро пресек подобные изъявления радости, загородив смущенную девушку от всех своими не слишком широкими плечами. Впрочем, они тут же исчезли с ней, после того, как Гэлла взволнованно прошептала ему что-то на ухо.

— Как вы одолели этого зверя? — спросил Конан, кивая на опаловую клеть, в которой, как и прежде, ворочалась и скрежетала медведка.

— Сами не можем этого уразуметь, Конан! — весело откликнулся Браг, поигрывая буграми мускулов на плечах и груди. — Когда она неслась за нами, мы нырнули в боковой проход и пропустили ее. А потом загнали в клетку, хорошенько похлопывая лопатами, если она норовила свернуть не туда. Когда гнали, казалось, ничего особенного — словно телка или коза отбилась от стада, и надо ее вернуть. А сейчас присмотрелись: о Кром, великий и справедливый! Как же мы справились с ней? В ее ротик может вполне уместиться моя голова, да еще и с плечами в придачу!..

— Мы как будто прозрели, Конан, — добавил Сангур, сияющий и яркоглазый. — Сколько видели эту тварь прежде, а по-настоящему разглядели только теперь!..

— Неплохо было бы приручить ее, — сказал Конан. — Представляете, если выехать на такой навстречу рыжим ванирам! Да они попадают с коней от страха, а их черные псы разбегутся, спасая собственные шкуры!

— Неплохая мысль, Конан! — одобрил его Браг, и остальные мужчины подхватили: — Отличная мысль! Вот и бери ее себе, Конан! Ты уже гарцевал на ней и, надо сказать, смотрелся довольно неплохо!

— А что? Этот скакун мне понравился! — лихо ответил мальчик. — Но с ней надо, конечно, еще поработать! А вот где моя смирная лошадка? — он оглянулся вокруг, ища глазами жука. — Его и приручать не надо, он тих, как ягненок! Я решил взять его к себе в дом!

— Вот уж Маев-то обрадуется! — захохотали мужчины.

Но беспечный смех, восклицания и грубоватые шутки разом стихли, когда все они гурьбой ввалились в самоцветную каморку Буно.

Над мертвым телом Шедда, не двигаясь и не сводя взгляда с очень белого и очень спокойного его лица, сидел Кевин. Гэлла, опершись лбом о его плечо, тихо плакала. Но лицо ее при этом светилось так, что слезы казались бликами хрусталя.

— Ты успел, Кевин?.. — тихо спросил друга Конан.

Кевин молча кивнул.

Связанный старик больше не дергался и не молил. Он застыл и затих, как мертвый, видимо, не желая привлекать к себе внимания бывших своих рабов, а особенно человека, отца которого он убил только что.

— Ты сам казнишь этого колдуна, Кевин, — негромко сказал Браг. — И ты сам выберешь ему казнь

Кевин снова кивнул.

Тонкие губы Буно, едва видневшиеся из-под повязки, задергались.

— О, конечно, ты выберешь мне любую казнь, Кевин, и собственноручно ее исполнишь, — подобострастно забормотал он, мотая головой из стороны в сторону и пытаясь сорвать повязку. — Но только умоляю тебя, позволь сказать тебе несколько слов наедине! Попроси их: пусть все выйдут и оставят нас с тобой ненадолго. Это очень-очень важно…

— Он будет предлагать тебе корону из камней, — сказал Конан. — И власть над всем миром. Мне он уже все это предлагал!

— И ты отказался?! — выпучил глаза Браг.

Мальчик пожал плечами.

— Я сам добуду все, если мне очень этого захочется.

Мужчины снова одобрительно захохотали. Правда, они тут же стихли, оглянувшись на

Шедда.

— О, Браг, верный друг мой! — не желая сдаваться, залопотал колдун. — Может быть, ты останешься и выслушаешь меня?.. Клянусь тебе, ты не пожалеешь!

— Может быть, рот ему завязать тоже, как и глаза? — предложил Конан. После недолгого совещания мужчины решили оставить пока колдуна здесь, крепко связанным и надежно запертым, чтобы не загрязнять возней с ним радость от встречи с родными.

Им все трудней становилось сдерживать радостное нетерпение. Досадливым вздохом встретили все заявление Конана, что он не выйдет из подземелья, пока не разыщет жука, к которому успел привязаться. Жука искали все вместе, высвечивая факелами тупиковые ходы и весело переругиваясь. Что касается медведки, мальчик согласился заняться ею вплотную не сейчас, но на следующий день — это крайний срок.

* * *

Даже самые старые жители селения не смогли бы припомнить, случалось ли на их долгом веку пережить большее потрясение. Воскресшие мертвецы числом пятнадцать человек, полуголые и грязные, громко и радостно гомонящие, буйные, словно сорвавшиеся с привязи дикие псы — шли толпой со стороны кладбища.

Первыми заметили их играющие на окраине мальчишки и подняли страшный визг. Визг этот подхватили и усилили в несколько раз женщины, разглядевшие из окон лица и фигуры движущихся. Срочно закрывались все двери, загонялась в хлев скотина. Мужчины, осознав нешуточную опасность, натягивали луки, хоронясь за стволами деревьев и углами хижин.

Помимо мертвецов, что само по себе достаточно страшно, впереди всей процессии ползло невиданное чудовище, отдаленно напоминающее навозного жука, но только больше его в сотни раз. На его блестящей спине сидел — и не просто сидел, а подпрыгивал, хохоча и взмахивая руками, — тот самый воришка Конан, что только вчера был положен в свежевырытую могилу.

Именно Конан, чья дерзость и после смерти оказалась столь велика, что подвигла его вылезти из могилы, чтобы мстить живым, едва не получил в грудь первую стрелу.

К счастью, она пролетела мимо, никого не задев. Мальчик хлопнул жука по спине, и тот сразу же остановился.

— Не стреляйте! — крикнул Конан как только мог громко. — Мы не злобные духи! Мы живые!

— Как бы не так! — раздался голос одного из мужчин, видимо, посмелее прочих — Только вчера я сам рыл тебе могилу, мальчик. Что вам надо? Вам тесно на Серых Равнинах? Чего вы хотите от нас?!

— Мы хотим одного: вернуться в свои дома, — крикнул Браг, выступая вперед и заслоняя своим телом жука, и мальчика. — Меня тоже опускали в могилу, это было полгода назад, но я жив. Поверьте мне! Дайте нам подойти поближе, и вы убедитесь!

— Как бы не так! — опять откликнулся тот же голос. — Сделайте только шаг, и в ваши мертвые животы вопьется столько стрел, сколько есть волос на ваших головах!.

Конан громко захохотал, стараясь, чтобы его смех звучал естественно и весело.

— Но ведь мертвых-то как раз и нельзя убить во второй раз! Что же вы за олухи, а еще взрослые воины! Будь мы мертвы, мы шли бы и шли вперед, не боясь ваших стрел. Но мы

просим не стрелять, потому что мы живые!

Внезапно от толпы оживших мертвецов отделилась девичья фигурка. Не боясь стрел, она прошла вперед и встала на полпути между полуголыми фигурами и жителями селения.

— Гэлла! — истошно закричала ее мать из окна своей хижины. — Зачем же ты с ними, доченька! Вернись домой. Они уведут тебя за собой в страну мертвых! Они выпьют твою кровь!

На шее девушки висело удивительной красоты ожерелье, которое она, волнуясь, то и дело перебирала пальцами.

— Они живые! — закричала она. — Вы можете их потрогать! Буно оживил их, а Конан выпустил на волю! Поверьте мне! Не бойтесь! Ведь меня вы не опускали в могилу!..

Самым отважным оказался самый старый. Притихшие жители напряженно следили, как Меттинг неспешно и с достоинством дошел до Конана, сидевшего на жуке, скрестив ноги, с беспечным и вызывающим видом. Помедлив, старик дотронулся до плеча мальчика. Все видели, как Конан сказал ему что-то, блеснув зубами, а Меттинг вместо ответа неожиданно крепко его обнял.

За Меттингом потянулись и другие смельчаки. Каждый, дотронувшись до руки или груди своего былого приятеля или родича, перебросившись с ним парой фраз, поглядев в веселые, ясные глаза, оборачивался к пока робеющим и не верящим и кричал им:

— Сюда! Скорее! Они и вправду воскресли! Они не врут!..

Гордая и молчаливая Маев подошла к сыну в числе самых последних. Не в силах вынести взгляд, которым она никогда не смотрела на него прежде, Конан отвернулся и, похлопывая по отливающей синью спине жука, принялся рассказывать о том, какой он толковый и послушный, несмотря на маленькую голову и большой рог, и что запросто можно будет обучить его таскать на себе.

Канахи радостно загомонили. Друзья обнимались, что было силы хлопая друг друга по плечам, женщины плакали, не стыдясь своих слез, смеялись дети, не понимая причин всеобщего веселья, а вдохновленные радостью родных. И лишь старый Меттинг, отойдя в сторонку, наблюдал за происходящим с печальной задумчивой улыбкой. Не меньше других он был рад возвращению друзей, которых давно оплакивал в своем сердце — но пока еще никто из членов общины не в силах был осознать что принесет им возвращение дважды рожденных. Будут ли эти люди, однажды переступившие границу Серых Равнин такими же, как прежде, или что-то неминуемо изменится в них? И как теперь сумеет найти смерть тех, кто однажды уже вырвался из ее цепких лап? Не откажется ли она от них навсегда — и что это будет значить для всех канахов? Сумеют ли они до конца преодолеть страх перед ожившими соплеменниками?

Меттинг устало тряхнул головой. Слишком много вопросов. И ответ на них может дать лишь время. А пока не след киммерийцу предаваться хмурым раздумьям. Как положено воину, он должен приветствовать друзей, вернувшихся из дальнего и полного тягот похода. И, расправив плечи, пожилой канах направился на место торжества.

Там уже пылал большой огонь, источая аромат смолы и дыма, и женщины суетились, потроша туши баранов, оленей и кабанов, готовясь к небывалому празднику, — как вдруг радостные выкрики, пение и смех заглушил сильный грохот, донесшийся со стороны кладбища. Земля явственно задрожала под ногами, и деревья закачались, как при ураганном ветре.

— Землетрясение! Подземные духи затеяли битву!.. — взволнованно загомонили вокруг,

оглядываясь на стены своих хижин.

По горькому опыту все знали, что жилища их могут сейчас рассыпаться, словно сделанные из щепок. Матери, оставившие дома маленьких детей, со всех ног бросились к ним. К счастью, земля дрогнула только один раз, и хижины устояли. Приготовления к празднику возобновились, и костер запылал ярче.

— Кевин! — окликнул приятеля Конан. — А не сбегать ли нам пока на кладбище? Грохот доносился оттуда. Сдается мне, это дело рук колдуна! Напрасно мы бросили его там.

— Ты думаешь, он может устраивать землетрясения со связанными руками и ногами? — засомневался Кевин.

— Почему бы и нет? С помощью своих камушков!

Кевин не стал спорить, и вскоре оба приятеля мчались по тропе, по которой незадолго до этого возвращались в селение. Третьей к ним присоединилась Гэлла, ни на шаг не отходившая от воскресшего жениха.

— Кажется, она теперь не будет оставлять меня ни на миг! — рассмеялся на бегу Кевин, но при этом украдкой крепко сжал ладонь девушки.

— Да, она такая! — поддержал его Конан. — Сколько я ни гнал ее из проклятого подземелья — она ни в какую! Нелегко тебе придется с такой женой, Кевин. Лучше передумай, пока не поздно.

Добежав до зеленой кладбищенской лощины, все трое удивленно замерли. Большой скалы, той самой, в которой находился вход в подземелье Буно, больше не было. Вместо нее пологим холмом возвышалась беспорядочная груда мелких и крупных камней. Некоторые надгробья с выбитыми на них крестами, мечами и елочками, скатились со своих мест. Иные раскололись пополам.

— Кром! — огорченно вздохнул Конан после того, как они долго и безуспешно искали хоть какую-нибудь щель в земле. — Бедная медведка! Я так мечтал поскакать на ней верхом в битву с ванирами!

— Бедные камни, — прошептала Гэлла. — Бедные влюбленные камни. Как же они теперь будут на веки вечные под землей?

— Глупышка! — Кевин обнял ее за плечи. — Под землей камням, уж наверное, лучше, чем на земле. Их мир — там, их дом — там.

Гэлла погладила пальцами искрящееся ожерелье на своей шее и промолчала.

— Все-таки отчего все это обрушилось? — спросил Конан. — Хотел бы я посмотреть, как связанный колдун разнес гору по камушкам.

— Он валялся на полу, скрученный по рукам и ногам, с завязанными глазами и скрипел зубами от злости… — принялась размышлять вслух девушка. — А его любимый лабрадор усилил его злобу в тысячи раз… Помнишь, как он рассказывал об этом странном камне?

— Да, уж если его злобу увеличить в тысячу раз, и вправду никакая гора не выдержит, — согласился Конан, — Вот ведь проклятущий старик?.. Но если бы вы только знали, до чего мне жалко медведку!

OCR: Lord

WWW.CIMMERIA.RU